

<http://www.kroraia.com/alan/skripkin.html>

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ АЛАНОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ (историографический очерк)

А.С. Скрипкин (Историко-археологический альманах, No 7, Армавир, 2001, стр. 15-40)

[\(Введение\)](#)

О времени появления аланов в Причерноморье и на Кавказе:

[\(1. Обзор литературы\)](#)

[\(2. Археологические источники\)](#)

[\(3. Итоги\)](#)

Проблема происхождения аланов

(1. Сарматская гипотеза: [К. Смирнов & Ю. Гаглойти](#); [В. Кузнецов](#))

(2. Центральнo-азиатская гипотеза: [С. Яценко, Т. Габуев & А. Цуциев](#); [Обзор](#))

(3. Другие: [Н. Берлизов & М. Щукин](#))

[Заключение](#)

[Литература](#)

(Введение)

Изучение истории и культуры сарматов, особенно первых веков нашей эры, неразрывно связано с аланской проблематикой. Судя по письменным источникам, аланы являлись активной политической силой, участвуя в различных событиях от Кавказа до Западной Европы, зачастую оказывая существенное влияние на них. Кроме того, аланы расселившись на огромной территории, приняли участие в формировании ряда современных народов, что во многом предопределило интерес к ним исследователей. Основы изучения истории аланов были заложены еще в XIX в. такими учеными как К. Мюлленхоф, В. де Сент-Мартин, В.Ф. Миллер, Ю.А. Кулаковский. В последующее время эта тема стала привлекать к себе все большее внимание специалистов различных областей знания: истории, этнографии, археологии, лингвистики, и к настоящему времени мы имеем практически необозримое количество литературы по различным проблемам истории и культуры аланов. Все это привело к формированию научного направления, получившего название «аланистика», объединяющего все отрасли знания об аланах.

В своей статье историографического жанра я не ставлю цель проанализировать всю отечественную и зарубежную литературу по аланам, накопившуюся за более чем столетний период, это непосильная задача, к тому же некоторыми авторами в разное время по отдельным вопросам аланской истории историографические обзоры уже делались. Я хотел бы остановиться на рассмотрении ряда проблем по истории и археологии аланов, которые находятся в поле зрения отечественных авторов преимущественно 2-й половины XX в. и особенно последних лет. Это в первую очередь определение времени первого появления на исторической арене аланов, их происхождение, а также отождествление с ними отдельных археологических памятников.

О времени появления аланов в Причерноморье и на Кавказе

(1. Обзор литературы)

Проблема появления аланов в Причерноморье и на Кавказе рассматривается исследователями обычно в зависимости от тех концепций, которых они придерживаются в отношении их происхождения. Сторонники местного происхождения аланов, их вызревания в среде ираноязычных кочевников, обитавших в степях к северу от Кавказа еще до нашей эры, соответственно считают, что предки аланов появились здесь задолго до того момента, когда они попали в поле зрения античных авторов. Те же, кто придерживается мнения о том, что сложение аланского этноса произошло в других местах и что в Причерноморье и на Северном Кавказе аланы появляются как новая политическая сила, полагают, что начало их упоминания в письменных источниках и реальное их появление здесь не столько сильно различаются по времени.

В доказательствах времени появления аланов, кроме письменных источников, часто используются и археологические данные. В работах археологического плана не раз поднимался вопрос о связи отдельных типов погребальных памятников или конкретных памятников с ранними аланами. Дата этих памятников должна была определять и время их появления.

Очень остро вопрос о времени появления аланов ставился кавказоведами, поскольку аланы считаются предками одного из современных кавказских народов — осетин. Один из основоположников этой концепции, *В.Ф. Миллер*, относил это событие к I в. н.э., считая, что уже в то время аланы были достаточно сильны и были способны оказывать существенное влияние на кавказские и закавказские события (Миллер В., 1887, с.50).

То, что аланы письменными источниками начинают фиксироваться в I н.э., ни у кого не вызывает сомнения. Споры возникают тогда, когда исследователи начинают определять более точную дату в рамках этого века или когда пытаются выяснить время появления аланов на какой-либо территории.

В начале 1960-х гг. попытку уточнить время появления аланов на Северном Кавказе предпринял *В.Б. Виноградов*. Рассматривая события, происходившие в этом регионе в I в. н.э., он пришел к выводу, что аланы здесь появляются сразу же после так называемой сирако-аорской войны 49 г., описанной Тацитом. Он считал, что в письменных источниках вплоть до 50-х годов I в. н.э. аланы не упоминаются. В закавказских же событиях 35 г. и северо-кавказских 49 г. основными действующими лицами были аорсы и сираки, которые постоянно выступали друг против друга. Возражая грузинскому исследователю В.Н. Гамрекели, который относил появление аланов на Северном Кавказе ко II в. н.э., В.Б. Виноградов отмечал, что как раз после победы аорсов и их коалиции над сираками, ранее господствовавшим в этих местах, сложилась благоприятная обстановка для появления здесь аланов, как части аорского племенного объединения (Виноградов В.Б., 1963, с.160-165). Надо отметить, что археологический материал, используемый им для поддержки данной версии, происходил с Северо-Восточного Кавказа.

После выхода в свет книги В.Б. Виноградова в журнале «Советская археология» на нее появились две рецензии — В.А. Кузнецова и Б.Н. Гракова. В.А. Кузнецов, назвав интересной мысль В.Б. Виноградова о появлении аланов в Центральном Предкавказье

после войны между сираками и аорсами в 49 г., вместе с тем высказал сомнение в правомочности распространения этих событий, имевших место в Прикубанье, на территорию Центрального и Северо-Восточного Кавказа (Кузнецов В.А., 1964, с.233). Б.Н.Граков в вопросе о времени появлении аланов высказал несогласие с В.Б.Виноградовым. Он полагал, что утверждение аланов на Северо-Восточном Кавказе происходит несколько позже, не раньше 70-го г., но и в это время Иосиф Флавий помещает их на Дону, а не на Кавказе (Граков Б.Н., 1964, с.337,340).

Идея В.Б. Виноградова была поддержана **Б.А. Раевым**, а впоследствии и автором этой статьи. Б.А. Раев, определяя время появления аланов на Дону, отмечал, что достаточно известными они становятся с 3-й четверти I в. н.э. Пытаясь установить более узкий хронологический коридор, в котором здесь могли появиться аланы, он обратил внимание на факт, что античные авторы никогда не смешивали аланов с сарматами, а поэтому мнение некоторых исследователей об участии в иберо-парфянском конфликте 35 г. н.э. аланов, описанном Иосифом Флавием, не может быть принято безоговорочно, так как Тацит, рассказывая о тех же событиях, говорит о приходе с севера сарматов. Кроме того, участие в событиях 35 г. аланов маловероятно еще и потому, что в сирако-аорской войне 49 г., охватившей значительную часть северокавказских территорий, они не упоминаются. Это, по мнению Б.А.Раева, довольно странно, так как, являясь значительной политической силой, какой они представлены в закавказских событиях 35 г., аланы не остались бы непричастными к разгоревшемуся более позднему конфликту на тех землях, которые они в определенной степени должны были контролировать. К тому же противоборствующие стороны попытались привлечь в качестве своих союзников наиболее влиятельные силы в этом регионе, но, как известно, таковыми оказались сираки и аорсы, известные здесь еще по данным Страбона. Вслед за В.Б. Виноградовым Б.А. Раев приходит к выводу, что аланы на Северном Кавказе появляются после событий 49 г., раньше этого времени, по его мнению, они не могли появиться и на Нижнем Дону. Верхней датой прихода сюда аланов он считал 65 г., не позже которого их фиксирует на Дунае Сенека. Таким образом, по Б.А.Раеву, аланы на Нижнем Дону должны были появиться в период между 49 и 65 гг. (Раев Б.А., 1979, с.13-15; 1986, с.61,62).

Вопрос о времени появления аланов в европейских степях и на Кавказе постоянно был в центре внимания известного специалиста по аланской проблематике **Ю.С. Гаглойти**. В отличие от предшествующих авторов он относил выход аланов на историческую арену к более раннему времени. Так, рассматривая события 35 г., связанные с иберо-албано-парфянским конфликтом, он полагал, что нет никаких сомнений в том, что в них приняли участие аланы. Несмотря на разночтения в источниках, Иосиф Флавий в этих событиях упоминает скифов, а Тацит — сарматов, по мнению Ю.С. Гаглойти, в том и другом случаях под этими именами скрываются аланы. В более ранних своих работах он пользовался текстом «Иудейских древностей» Иосифа Флавия в латинском переводе, где в известном пассаже упоминаются скифы. О том, что в этих скифах следует видеть аланов, он в большей степени полагался на мнение таких авторитетов, как В. де Сент-Мартин, Э. Шерпантье, М.И. Ростовцев и некоторых других (Гаглойти Ю.С., 1966. с.50-55).

Однако М.И. Ростовцев, например, в отличие от Ю.С. Гаглойти не так уверенно утверждал о появлении аланов в 35 г. В одной из своих работ он говорил о возможном упоминании аланов в это время (Ростовцев М.И., 1993, с.92), в другой, отметив ранние упоминания об аланах у ряда античных авторов, он в то же время подчеркнул, что Помпоний Мела, описавший, в частности, районы вблизи Меотиды и который, как

известно, закончил свой труд в 40-е гг. I в. н.э., аланов не знает (Ростовцев М.И., 1925, с.60).

В недавно вышедшей статье Ю.С. Гаглойти впервые упоминает о другом — греческом оригинале текста «Иудейских древностей» в издании Б. Низе, где в событиях, приуроченных к 35 г., вместо скифов фигурируют аланы. Однако, судя по ссылке, эта информация получена им не из оригинала, а из вторых рук (Гаглойти Ю.С., 1995, с.48).

В принципе Ю.С. Гаглойти 35 г. не считает самой ранней датой, имеющей отношение к аланам. Он не исключал возможного участия аланов в Митридатовых войнах, по крайней мере, во время закавказского похода Помпея в 66-65 гг. до н.э., ссылаясь на упоминания аланов в этих событиях у Лукана и Аммиана Марцеллина (Гаглойти Ю.С., 1966, с.81).

По мнению Ю.С. Гаглойти, аланы являлись довольно древним населением в восточноевропейских степях, освоенных сарматами. Он придерживается мнения, высказывавшегося ранее и другими исследователями, что, например, этноним «роксоланы» является разновидностью названия аланов и что его следует интерпретировать как «светлые аланы» (Гаглойти Ю.С., 1995, с.56). Как известно, народ под именем «роксоланы» в письменных источниках, в том числе и эпиграфических, начинает упоминаться в северопричерноморских событиях с конца II в. до н.э. (Страбон, VII, 3,17; Симоненко А.В., 1993, с.107-112). Кроме того, и этноним «языги» Ю.С.Гаглойти рассматривает как еще одну разновидность названия все тех же аланов (Гаглойти Ю.С., 1995, с.50). Если принять последний тезис и учесть возможную генетическую связь языгов с язаматами (яксаматами, иксибатами), против чего, как кажется, не возражает и сам Ю.С. Гаглойти, то местные истоки аланов должны уходить к началу скифской эпохи, поскольку язаматы упоминаются уже у Гекатея, писавшего в конце VI в. до н.э. (Каменецкий И.С., 1971, с. 165-170; Виноградов В.Б., 1974, с.153-160).

Вообще взгляды Ю.С. Гаглойти на проблему происхождения и появления аланов на исторической арене, изложенные им еще в 1-й половине 1960-х гг., не претерпели особых изменений вплоть до последнего времени. Он считал раньше и продолжает считать сейчас, что аланы сформировались на основе родственных сармато-массагетских племен в восточноевропейском регионе языгов, роксоланов, аорсов, сираков. В появлении аланов на Северном Кавказе особая роль отводится им аорсам, с которыми также якобы генетически были связаны аланы, поэтому аланы появляются здесь в лице аорсов задолго до того, как они попали на страницы сочинений античных авторов. Впоследствии аланы становятся во главе племенного объединения и занимают господствующее положение, после чего в источниках исчезают упоминания об аорсах и сираках, но сохраняются такие названия, как языги и роксоланы как разновидности наименования аланов (Гаглойти Ю.С., 1964, с.15).

Близкую Ю.С. Гаглойти позицию в вопросе об участии аланов в событиях 35 г. как первого упоминания о них в письменных источниках занял и известный кавказовед **В.А. Кузнецов**. Он считал, что в сарматах Тацита, как впрочем и скифах Иосифа Флавия, выступивших против парфян, следует видеть аланов, которые в то время могли быть и аорсами, и сираками, полагая, что аорсы и сираки являлись одной из этнических основ, на которой сформировались аланы (Кузнецов В.А., 1992, с.45). Однако, точка зрения В.А. Кузнецова на древность аланского этноса в Европе в целом отличается от взглядов на эту проблему Ю.С. Гаглойти, так как он отводил важную роль в

формировании аланов среднеазиатским массагетам, расселившихся, по его мнению, на рубеже эр вплоть до Северного Кавказа. Таким образом, последний тезис как будто свидетельствует о том, что говорить об аланах в какой-либо их ипостаси в Европе раньше этой даты не приходится.

В последнее время по интересующей нас теме появился ряд статей *С.М. Первалова*. Он специально обратился к вопросу о первом упоминании аланов в сочинениях Иосифа Флавия «Иудейские древности», отметив односторонний подход большинства отечественных исследователей к наследию этого автора. Как это ни парадоксально, но С.М. Первалов первый, кто в нашей литературе достаточно подробно рассмотрел проблему, связанную с существованием двух вариантов издания «Иудейских древностей» на греческом и латинском языках, причем латинский вариант является переводом с греческого оригинала. В греческом варианте «Древностей» в событиях 35 г. указываются аланы, правда, в этом месте текст оказался испорченным и слово «аланы» стоит не в том падеже, в котором должно быть. Многие же наши исследователи, в том числе и автор данной статьи, пользовались ставшим традиционным для нас изданием переводов греческих и латинских авторов, предпринятым еще в конце XIX в. В.В. Латышевым. Фрагменты из «Иудейских древностей» в этом издании были даны по латинскому варианту текста с конъектурой «скифы» в интересующем нас месте. Наиболее предпочтительным, по мнению С.М. Первалова, является греческий вариант «Древностей» уже потому, что он является оригиналом (Первалов С.М., 1998, с. 96,97).

На этом основании С.М. Первалов склонен считать, что в кавказских событиях 35 г. приняли участие аланы. Кроме их упоминания в греческой редакции «Иудейских древностей», он для поддержки своей точки зрения привлекает данные Тацита, в частности о том, что упомянутые этим автором в конфликте 35 г. сарматы не могут быть ни аорсами, ни сираками, как это считали ранее некоторые авторы. Это его мнение основано на том, что Тацит нигде не называет эти племена сарматами, следовательно, под этими сарматами должно скрываться какое-то другое племенное объединение, вероятнее всего, аланы. Далее С.М. Первалов полагает, что территориально аорсы и сираки с того момента, когда они были описаны Страбоном, ко времени иберо-парфянского конфликта 35 г. значительно сместились к западу, что следует из описания Тацитом сирако-аорс-кой войны 49 г., события которой охватили часть территории Кубани и Приазовья, а земли по соседству с Дарьяльским и Дербенским проходами могли занять те сарматы, которые в 35 г. выступили союзниками как иберов, так и парфян. В пользу аланской версии в событиях 35 г., по мнению С.М. Первалова, свидетельствует и разница в политической организации с одной стороны сарматов Тацита, а с другой — аорсов и сираков. Во главе последних стояли цари, о чем есть данные у Страбона и того же Тацита. Кроме того, С.М. Первалов ссылается на возможную конъектуру К. Мюллера в рассказе Диодора об Арифарне как царе сираков. Сарматов же Тацита в 35 г. возглавляли скептухи, стоявшие рангом ниже аорс-ких и сиракских царей, но действовавшие вполне самостоятельно. С.М. Первалов предлагает видеть в них аланов, которые, вне зависимости от версии их происхождения, начинают оформляться в самостоятельную политическую силу. И последнее: аланов, как считает С.М. Первалов, отличала и новая тактика ведения боя, особенностями которой являлись лобовая атака конных воинов, защищенных панцирями и использующими пики и длинные мечи. Такая манера ведения боя была описана Флавием Аррианом и названа «алано-сарматской», а впервые, по состоянию источников, она была применена все в том же 35 г. сарматами

против парфян, что еще раз подтверждает аланскую версию в данных событиях (Перевалов С.М., 2000, с.203-210).

Мнение о довольно раннем знакомстве римлян с аланами было высказано **М.Б. Щукиным**. Он полагал, что некоторые сведения об аланах они получали еще со времени Августа или, точнее, с конца его жизни, а во времена Нерона римляне уже достаточно хорошо были осведомлены о них (Щукин М.Б., 1992, с. 118; 1994, с.209). Правда, развернутого доказательства появления информации в Риме об аланах в столь раннее время он не приводит, указав лишь на то, что Валерий Флакк, пересказывая миф об ар-ганавтах его ученикам, внукам Августа, упоминает на Кавказе аланов. Но этот рассказ Валерия Флака мог состояться только во 2-й половине I в. н.э., когда, собственно, и жил этот автор. Август, как известно, умер в 14 г. н.э. Таким образом, Валерий Флакк мог отразить состояние дел ближе к своему времени, когда аланы были уже у многих на слуху.

(2. Археологические источники)

Теперь обратимся к тем работам, в которых предпринимались попытки определить время появления аланов с использованием *археологических источников*. Традиция отождествлять те или иные археологические памятники и даже культуры с аланами зародилась достаточно давно. Так, **П. Рау** еще в 20-е годы XX в. сопоставил выделенную им среди сарматских памятников Поволжья Stufe B, соответствующую позднесарматской культуре, с аланами, датировав ее II-IV вв. (Rau P., 1927, s.105-112). **К.Ф. Смирнов** раскопанные на Кубани Н.И. Веселовским в начале XX в. курганы, получившие название «Золотого кладбища», также связывал с аланами (Смирнов К.Ф., 1952, с. 13)

К настоящему времени накопилась достаточно большая литература, в которой рассматривается вопрос об отождествлении археологических памятников Северного Кавказа с аланами. Остановлюсь только на основных моментах этой темы. Начиная с работ В.А. Кузнецова и Л.Г. Нечаевой, широкое распространение получила гипотеза о связи катакомбного обряда погребения с аланским этносом. Имеющийся тогда материал позволял считать, что катакомбный обряд погребения на Северном Кавказе начинает распространяться с I в. н.э., что совпадало с временем появления первых упоминаний об аланах в письменных источниках. Но впоследствии на Кавказе были открыты памятники с катакомбным обрядом, датирующиеся II-I вв. до н.э., такие как Нижний Джулат, Чегем II (Абрамова М.П., 1972; Кереев Б.М., 1985).

М.П. Абрамова высказала иную точку зрения на появление катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе. Решающее значение в его распространении играли не сарматы, среди которых, по мнению ряда исследователей, скрывались предки аланов, а некая общая тенденция, связанная с возведением склеповых сооружений у населения Северного Причерноморья, Крыма, Тамани, Кубани. Это явление, по ее мнению, отражало определенные социальные и идеологические представления, не связанные с конкретным этносом (Абрамова М.П., 1982, с.9-17). Явный приоритет региона, откуда могли распространиться катакомбы, например, II типа на Северном Кавказе, в хронологическом и количественном отношении, принадлежит западным от него районам по сравнению с Поволжьем, районом компактного проживания сарматов (Абрамова М.П., 1993, с.100)

Открытие катакомб на Северном Кавказе, датирующихся до начала н.э., потребовало коррекции взглядов и сторонников связи катакомбного обряда с аланами. В.Б. Виноградов в совместной статье с Я.Б. Березиным высказал мнение о том, что ранние катакомбы здесь сначала могли принадлежать сиракскому, а затем раннеаланскому политическому объединению (Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1986, с.56), В.А. Кузнецов и Ю.С. Гаглойти связывали начало распространения катакомб на Северном Кавказе со степным сарматским миром, с распространением в Предкавказье раннесарматской культуры, основными носителями которой, по К.Ф. Смирнову, были аорсы. Наиболее ранние погребальные памятники этой культуры, в том числе и в катакомбах, появляются на Ставрополье и датируются IV-III вв. до н.э. (Кузнецов В.А., 1992, с.37; Гаглойти Ю.С., 1992, с. 12).

Ю.С. Гаглойти, например, пишет, что появление катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе до начала нашей эры полностью соответствует разделяемой им точке зрения о генетической преемственности аланов с предшествующими сарматами и образованием аланской этнической общности в результате перегруппировки среди северокавказских сарматов, в связи с чем происходит переименование аорсов на аланов. Это, так сказано, генеральная линия, кроме того, в этом процессе могли участвовать другие племена Северного Кавказа (Гаглойти Ю.С., 1992, с. 12). Концепция сторонников ведущей роли сарматов (аорсов) в формировании аланов на северокавказской почве не дает ответа на вопрос о времени их появления здесь, поскольку неизвестно, когда произошло переименование аорсов в аланов, как и то, с какого времени катакомбный обряд погребения становится их археологическим признаком.

По иному к данной проблеме подошел *Т.А. Габуев*. Рассматривая катакомбные памятники Центрального Предкавказья, он пришел к выводу, что впускные катакомбные погребения, как и грунтовые, относящиеся к сарматскому периоду, датируемые им II в. до н.э. — III в. н.э., по целому ряду признаков существенно отличаются от подкурганных индивидуальных катакомбных погребений, появившихся здесь с середины III в. н.э. Эти последние, по его мнению, не являются прямым продолжением более ранних катакомбных традиций. Население, оставившее подкурганные катакомбные погребения, он склонен считать аланами. Таким образом, по Т.А. Габуеву, аланы на Северном Кавказе появляются с середины III в.н.э. Правда, здесь же он оговаривает возможность датировать это событие и несколько более ранним временем, так как некоторые погребения отмеченного типа датируются 1-й половиной III в. или даже II в. Однако, как он отмечает, эти памятники единичные и пока не могут существенно скорректировать вышеприведенную дату массового прихода аланов в Центральное Предкавказье. Что касается более ранних аланских памятников, то Т.А. Габуев считает наиболее убедительной версию Б.А. Раева, отождествлявшего с аланами богатые сарматские курганы Нижнего Дона. Присутствие же донских аланов на Кавказе в первые века н.э. по Т.А. Габуеву вполне возможно, тем более их походы в Закавказье, но говорить о длительном их здесь проживании преждевременно (Габуев Т.А., 1999, с.55-66).

Б.А. Раев относил к аланской знати такие известные своим богатством курганы на Нижнем Дону, как Хохлач, Садовый, Багаевские курганы и другие, в которых наряду с античным импортом встречены находки, отражающие культурные традиции восточного кочевого мира, вплоть до Алтая. Обилие импорта позволило Б.А. Раеву довольно точно определить время появления первых курганов из этой серии — не ранее середины I в. н.э., что, как он считал, совпадает с его реконструкцией в

определении времени появления аланов на Нижнем Дону по письменным источникам (Raev B.A., 1986, p.58-63).

Идея Б.А. Раева о принадлежности богатых нижнедонских курганов аланам, обосновавшимся здесь в I в. н.э., подвигла в свое время автора этой статьи проверить ее на массовом материале. Ход моих рассуждений был следующим: если эти, несмотря на ограбление большинства из них, достаточно богатые курганы, условно царские, принадлежали ранним аланам, пришедшим сюда с востока, то за ними должно было стоять и рядовое население, которое также должно было оставить археологический след. Богатство отмеченных курганов воплощало политическое могущество, основой которого должна быть сильная армия и, в конце концов, народ, составлявший ядро нового политического объединения. В расчет следовало брать не только Нижний Дон, а более широкую территорию, так как сильные объединения кочевников, как правило, контролировали достаточно обширные области. Необходимо было выяснить, есть ли основания говорить о каких-либо существенных изменениях, произошедших на значительных пространствах степей Юго-Восточной Европы во время, близкое сооружению нижнедонских курганов, и фиксируемых на уровне археологических источников. Работа над этой проблемой отняла у меня значительную часть 1980-х гг. и завершилась написанием ряда статей и монографии (Скрипкин А.С., 1990). Исследование основной на то время массы сарматских памятников, датированных в пределах, примерно, III в. до н.э. — II в. н.э., показало, что на рубеже эр в развитии сарматской культуры происходят существенные изменения как в погребальном обряде, так и материальной культуре, что и приводит к сложению среднесарматской культуры, и памятники которой являются контекстом указанных богатых нижнедонских курганов. Пока трудно сказать, когда точно происходит становление среднесарматской культуры; по состоянию археологических источников на сей день — это время, близкое к рубежу эр (Скрипкин А.С., 1990, с.175; 1997, с. 23,24). Учитывая свидетельства письменных источников, которые уверенно начинают фиксировать аланов с I в. н.э., утверждение аланов в восточноевропейских степях происходило в период распространения среднесарматской культуры и, видимо, эти события каким-то образом связаны между собой. Вероятно, аланы, начавшие свое утверждение, превращаются здесь в значительную политическую силу только через какое-то время, после чего попадают на страницы сочинений античных писателей. Возможно, этот факт и фиксируют богатые нижнедонские курганы, воздвигаемые с середины I в. н.э.

Следует упомянуть еще об одной относительно недавно появившейся версии отождествления археологических памятников с аланами, авторами которой являются Б.А. Раев и С.А. Яценко. В совместной статье объектом своего исследования они выбрали Зубовско-Воздвиженскую группу (ЗВГ) курганов, погребальные комплексы которой, по их мнению, отличаются от других сарматских памятников серией инноваций центральноазиатского происхождения, связанных с культурными традициями юэчжей, саков и хунну. Указав на разные мнения в отношении датировки ЗВГ, сами авторы не предлагают своей даты для этих кубанских курганов, но из контекста статьи видно, что они не сомневаются в датировке комплексов этой группы I в. до н.э. или даже II в. до н.э. Далее они полагают, что участие аланов на стороне Митридата VI во время войны 65 г. до н.э., отрицаемое многими исследователями, следует признать исторической реальностью. Объясняют они это тем, что три более поздних автора — Аммиан Марцеллин, Лукан и Валерий Флакк — упоминают аланов в отмеченном выше событии. Хотя эти упоминания и косвенны, тем не менее их совпадение дает возможность допустить появление аланов в районе Северного Кавказа уже в это раннее время. Археологическими памятниками, оставленными этими

ранними аланами, как раз и могли быть курганы ЗВГ (Раев Б.А., Яценко С.А, 1993, с.111-126).

Проблему отождествления ЗВГ с аланами затронул в одной из своих статей и М.Б. Щукин. Проанализировав большинство комплексов этой группы, он пришел к выводу, что их следует датировать «где-то с 40-х или 60-х гг. I в. до н.э. по 40-е-50-е гг. I в. н.э.» (Щукин М.Б., 1992, с.112). Он высказал сомнение относительно признания версии об участии аланов в событиях I до н.э., считая, что, скорее всего, Лукан и Валерий Флакк отразили реалии своего времени, то есть I в. н.э. Если и имеется совпадение во времени существования ЗВГ и первых упоминаний об аланах, приуроченных к Кавказу, то оно не полное. По поводу отнесения ЗВГ к аланам сомнения высказывали и другие исследователи. Так, И.В. Сергацков не исключал, что те восточные инновации, которые отмечали Б.А. Раев и С.А. Яценко для комплексов ЗВГ, могли быть связаны с тохарами (сатархами), тем более, что в Предкавказье известна тохарская топонимика (Сергацков И.В., 1999, с.147).

Я не назвал все работы, в которых так или иначе ставился вопрос о времени появления аланов как значимой политической силы на юго-востоке Европы, их достаточно много. Мне пришлось остановиться только на тех исследованиях, которые, как мне кажется, пытались внести уточнение в уже существующие представления по этому вопросу.

(3. Итоги)

Из вышеизложенного следует, что по данной проблеме существует значительный разброс мнений. Концепция сторонников присхождения аланов на местной основе, их «вызвания» в среде сарматских племен вообще снимает вопрос о времени их появления в восточноевропейских степях и на Кавказе, поскольку речь в данном случае идет не о приходе аланов сюда, а о постепенном превращении их в самостоятельное объединение. Наиболее ярким представителем этой точки зрения является Ю.С.Гаглойти. Кстати, и те исследователи, которые придерживаются противоположного мнения, отстаивая миграционный характер появления аланов в Восточной Европе, единством мнения не отличаются.

Подведем предварительный итог по рассматриваемой проблеме. Исходя из всего сказанного, можно выделить несколько хронологических уровней, предлагаемых различными авторами, самообнаружения аланов. Первый — это борьба Рима с Понтийским царством в ее завершающей стадии. Поход Помпея в Закавказье в 65 г. до н.э., разгром им армии Митридата VI и упоминание в этих событиях аланов у Аммиана Марцеллина, Марка Аннея Лукана. Второй — упоминание аланов в поэме «Арганастика» Гая Валерия Флакка, которое одни авторы используют для обоснования версии появления аланов в начале I в. н.э. (Щукин М.Б., 1992, с.118; 1994, с.209), другие — в 65 г. До н.э. (Раев Б.А, Яценко С.А., 1993, с. 111-126). Третий—поход аланов в Закавказье в 35 г. н.э. по версии греческого варианта текста «Иудейских древностей» Иосифа Флавия и четвертый — появление аланов после 49 г.

Что касается первых двух уровней, то они менее всего претендуют на реальность. О событиях борьбы Рима с Митридатом VI Евпатором и об окончательном разгроме его Помпеем писали многие античные авторы, специально обращаясь к этому времени, такие как Аппиан,-Плутарх, Дион Кассий и другие, опиравшиеся на достаточно широкий круг источников и литературы, но об аланах они не упоминают. К тому же, например, у Аммиана Марцеллина нет прямого указания об участии аланов в тех

событиях, у него речь идет о массагетах, «которых мы теперь называем аланами». Имели ли эти массагеты прямое отношение к аланам начала нашей эры — сказать трудно.

Сочинение же Лукана относится к жанру эпических поэм, написанное им во 2-й половине I в. н.э., когда аланы уже бесспорно были широко известны. Сам жанр данного произведения допускает поэтическую вольность, которую, вероятно, и использовал автор, причем в его сочинении это имеет отношение не только к аланам. Я вполне согласен критическими замечаниями в отношении упоминания аланов у Лукана, высказанными Т.А. Габуевым. Кроме того, он отметил, что такая вольность была достаточно распространенным явлением у античных писателей, приведя пример с «Деяниями Александра Македонского» Юлия Валерия, автора IV в. н.э., где также упоминаются аланы, что является явной натяжкой для событий IV в. до н.э. (Габуев Т.А., 1999, с.7-9).

То же самое можно сказать и об «Аргонавтике» Валерия Флакка. Признавая на основе этого сочинения реальность упоминания аланов на Кавказе в I в. до н.э. или в самом начале I в. н.э., мы по логике должны признать и реальность событий, связанных с аргонавтами в то же самое время. Поскольку сами события, описанные в «Аргонавтике», не имеют конкретной хронологической привязки, то невозможно определить и к какому времени относится упоминание в них аланов. Единственно, что следует из сочинения Валерия Флакка, жившего во 2-й половине I в. н.э., так это то, что аланы в его время бесспорно были известны.

Более серьезного анализа требует упоминание аланов в греческом варианте «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. Существенная лепта в укрепление мнения, по крайней мере, в нашей литературе, об упоминании аланов в событиях 35г. недавно была внесена С.М. Переваловым, о чем говорилось выше. Две статьи, написанные им по данной теме, достаточно интересны, если только оставить в стороне назидательный тон одной из них (Перевалов С.М., 1998, с.96-101). Сам того не замечая, он показал, на каком уровне у нас находится та специальность, представителем которой он, очевидно, является. Переводами источников пользуются не только в изучении древней истории, но и других периодов, вплоть до настоящего времени. Историческое источниковедение достаточно дифференцировано и каждый из его разделов давно выделился в отрасль самостоятельных знаний. То, что переводы исторических источников по аланской тематике, изданные у нас, находятся в ущербном состоянии, вина в первую очередь специалистов, непосредственно занимающихся этими источниками. В данном случае они являются пособниками создателей тех мифов, о которых пишет С.М. Перевалов. Аланская проблематика многоаспектна, ею занимаются специалисты различных наук, в том числе и археологи, к которым я отношу и себя. Археологи в большинстве случаев являются потребителями данных письменного источниковедения, в такой же мере как данных этнографии, антропологии, палеозоологии и других наук, они не обязательно должны быть специалистами в каждой из них, им необходимо опираться на добротные исследования представителей этих наук, которые бы не подводили их. Ведь если следовать за С.М. Переваловым, то специалисту, занимающемуся аланами, кроме греческого и латинского, следовало бы профессионально разбираться в иранских языках, древних языках ряда кавказских народов, да и в китайском языке, поскольку и на этом языке привлекаются источники в изучении истории аланов. Таких специалистов не было в прошлом и навряд ли они появятся в скором будущем. Есть, правда, выход из этой ситуации — создание творческих коллективов из представителей различных научных дисциплин, но на практике такое мероприятие зачастую трудно

осуществимо. Однако в изучении древней истории синтез письменных и археологических источников необходим. Кто его должен осуществлять? Археолог не вполне профессионально владеет анализом письменных источников, специалист в области изучения письменных источников находится в такой же ситуации по отношению к археологическим источникам. Но синтез разных источников необходим, ведь бесконечно каждому городить свой огород бессмысленно. Чаще к письменным источникам приходится обращаться археологам, поскольку они «исторически озвучены». И здесь на высоте должно быть состояние изученности специалистами письменных источников. А мы в большинстве своем пользуемся переводами, опубликованными В.В. Латышевым, которым исполнилось более ста лет. Простительно, когда археологи попадают впросак со ссылками на письменные источники, но ведь зачастую и крупные специалисты в области изучения этих самых письменных источников ничем не отличаются от своих коллег археологов. Тот же Ю.С. Гаглойти вплоть до последнего времени не мог сказать ничего вразумительного о другой версии прочтения текста сочинения Иосифа Флавия, а Ю.Г. Виноградов в одной из статей, специально посвященной проблеме закавказских походов сарматов, упомянув греческий вариант текста «Иудейских древностей», вообще исключал возможность появления аланов в это время и собственно реальность сведений о них в этом источнике (Виноградов Ю.Г., 1994).

Однако вернемся к нашей основной теме. Как отмечалось, С.М. Перевалов в вопросе о том, кто же участвовал в походе 35 г., приоритет отдает аланам, считая, что следует опираться в данном случае на греческий вариант «Иудейских древностей», являющийся оригиналом. Но в лучшем издании этого варианта, предпринятом Бенедиктом Низе, как отмечает сам С.М. Перевалов, в том месте, где речь идет об аланах, текст испорчен и смысл его искажен. Аланы там упоминаются, скорее всего, вместо албанов, которые вместе с иберами должны были открыть путь через свои земли и Каспийские ворота кочевникам с севера. Я бы не стал сбрасывать со счетов и латинский перевод «Иудейских древностей», тем более, что его образцы более ранние, нежели известные их греческие тексты. Да и определение греческих вариантов издания «Иудейских древностей», как оригиналов весьма условно, это все-таки позднейшие копии и в них есть разночтения, о чем говорит и С.М. Перевалов. Из всего сказанного следует, что имеется три источника по интересующему нас вопросу: греческий текст «Иудейских древностей» с упоминанием в событиях 35 г. аланов, латинский перевод текста того же произведения, где в тех же событиях фигурируют скифы, и «Анналы» Тацита, в которых опять в тех же событиях упоминаются сарматы. Таким образом, источники не дают нам ясной картины, какое из кочевнических объединений приняло участие в отмеченных событиях. Тацит даже говорит о двух группировках сарматов, которые в создавшемся конфликте должны были поддержать противоборствующие стороны. В первой своей статье С.М. Перевалов справедливо отметил, что с принятием прочтения «аланов» в интересующем нас эпизоде «Древностей» не снимаются все проблемы по данному вопросу, рассмотрение которого переносится в другую плоскость — в область дискуссий (Перевалов С.М., 1998, с.96,97).

Впоследствии С.М. Перевалов предпринял попытку укрепления аланской версии в событиях 35 г. Однако извлечение им информации из Тацита в поддержку этой идеи не выглядит достаточно убедительно, Все приведенные им доводы предположительны и могут быть истолкованы по-разному. Так, например, факт, что Тацит не называет аорсов и сираков в событиях 49 г. сарматами, а сарматов в 35 г. аорсами и сираками, вряд ли может служить основанием для исключения последних из числа претендентов на закавказский поход. Возможно, Тацит располагал различной полнотой информации

об участии в этих двух событиях кочевников, а аланы им не упоминаются в обоих случаях по причине того, что к этому времени еще серьезно не заявили о себе.

Утверждение С.М. Перевалова о том, что сираки и аорсы сдвинулись значительно к западу между временем информации о них у Страбона и Тацита на основании описания последним сирако-аорской войны 49 г., также является предположением. Может быть, это и так, но конкретной информации на этот счет данный источник не дает. Действительно, из описания Тацитом конфликта 49 г. действия, связанные с ним, происходили на Тамани, какой-то части Кубани и в Восточном Приазовье. Но как можно определить, какую территорию в это время контролировали, например, сираки? Видимо, Митридат представлял силу своего противника, за которым стоял Рим, и пытался найти себе достойного союзника. Да и утверждение С.М. Перевалова, что всего лишь несколько римских когорт сыграли решающую роль в этой войне, не совсем верно, так как, видимо, Котис и римляне, осознавая серьезность момента, вынуждены были искать достаточно сильного союзника и нашли его в лице аорсов. Текстологический анализ фрагмента из Тацита, имеющего отношение к событиям 49 г., позволяет более или менее убедительно утверждать, что аорсы, скорее всего, действительно сдвинулись со своих прежних мест к западу, однако в отношении сираков в этом плане мы ничего подобного сказать не можем, как и определить, какую территорию Северного Кавказа они занимали, и могли ли уже в 1-й половине I в. н.э. аланы контролировать какую-либо ее часть. Естественно, что ситуация в восточноевропейском степном регионе не отличалась в это время статичностью, подвижка кочевого мира на запад в I в. н.э. очевидна, но она, скорее всего, охватила более северные районы - Поволжье и Дон. Где же конкретно можно локализовать аланов до середины I в. н.э., сказать по состоянию наших источников на сегодня невозможно.

Так же невозможно исключительно аланам приписывать тактику боя с использованием тяжеловооруженной конницы. Сам же С.М. Перевалов в своей статье упоминает, что аналогичную тактику использовали роксоланы, а античные авторы называли ее «сарматской» или «алано-сарматской» (Перевалов С.М., 2000, с.209). Надо полагать, что ее использовали не только аланы, но и другие сарматские объединения.

Для времени до середины I в. н.э. мы не имеем ни одного бесспорного факта появления аланов, зафиксированного в письменных источниках. Упоминание аланов в греческом варианте текста «Иудейских древностей» допускает такую возможность, но она, вопреки мнению Ю.С. Гаглойти, не является бесспорной, поскольку ситуация в источниках, имеющих отношение к этому событию, весьма противоречива. Бесспорным является то, что аланы достаточно хорошо становятся известными только со 2-й половины I в. н.э., когда начинает указываться и территория их обитания. Но это не значит, что аланское объединение начинает свое существование только с этого момента. Начало его образования, скорее всего, относится к более раннему времени. Косвенными данными в подтверждение этого мнения могут быть археологические источники. В специальной литературе уже не раз обращалось внимание на довольно интенсивное распространение с начала н.э. в волго-донских степях инноваций, имеющих параллели в материальной культуре народов Средней Азии и далее на восток, вплоть до Китая (Раев Б.А., 1989, с.16,17; Яценко С.А., 1993, с.60-69; Скрипкин А.С., 1999, с.127-131). Не исключено, что это обстоятельство объясняется миграцией части кочевого населения с востока. Все это заставляет вспомнить массагетские корни аланов.

С рубежа эр или самого начала н.э. происходят существенные изменения в археологической ситуации в волго-донском регионе, связанные с распространением новой археологической культуры, получившей название среднесарматской. На этом новом археологическом фоне появляются богатейшие погребения, такие как Хохлач, Садовый, Александровка, Дачи на Дону, Косика на Волге, в материалах которых с наибольшей отчетливостью прослеживается связь с указанными восточными районами. Окончательное утверждение новой группировки кочевников в указанном районе, видимо, следует относить к времени появления богатых (царских) курганов на Дону. Здесь сосредоточена основная масса курганов этого ранга. Вероятно, где-то здесь находился и политический центр нового кочевого объединения. По Б.А. Раеву эти курганы, принадлежащие аланской знати, датируются с середины I в. н.э. Кажется, эта дата находит подтверждение и в письменных источниках. Из военного конфликта 49 г., описанного Тацитом и нашедшего свое завершение недалеко от Дона, следует, что эта территория еще не контролировалась аланами. А в событиях, приуроченных к 72 г., Иосиф Флавий говорит уже о том, что аланы занимали земли по Танаису и Меотиде.

Проблема происхождения аланов

(1. Сарматская гипотеза) - К. Смирнов, Ю. Гаглойти

В литературе, посвященной аланам, нашли отражение в основном два направления разработки проблемы их происхождения. Одно из них основывается на убеждении о формировании аланов на местной основе, которой являлся сарматский мир по преимуществу Азиатской Сарматии. Другое придерживается миграционной концепции, связывающей начало формирования аланского объединения с восточным скифским миром, приходом его на сарматскую территорию и через некоторое время занявшим здесь лидирующее положение. Существует значительное количество вариантов этих двух направлений, авторы которых дополняют их различными нюансами. Кроме того, отдельные исследователи пытаются занять нейтральные позиции в решении этой проблемы, усматривая наличие и миграционных, и автохтонных процессов в формировании аланов.

Начнем рассмотрение этого вопроса с работ тех исследователей, которые придерживаются мнения о ведущей роли местных истоков в происхождении аланов. Из предшественников современных авторов, развивавших эту концепцию, можно назвать **П.Д. Рау** и **К.Ф. Смирнова**. П.Д. Рау с аланами связывал позднеримскую стадию (Stufe B) своей периодизации сарматской культуры, считая, что она сформировалась на основе слияния различных группировок кочевников предшествующей раннеримской стадии (Stufe A) (Rau P., 1927, s. 105-112). К.Ф. Смирнов сформулировал положение о том, что аланы вывелись в среде сарматских близкородственных племен, которое было поддержано и развито рядом исследователей (Смирнов К.Ф., 1950, с.108).

Наиболее яркое воплощение идея местного сарматского происхождения аланов нашла в трудах **Ю.С. Гаглойти**, который на протяжении практически сорока лет занимается этой темой. Основные положения, сформулированные им еще в кандидатской диссертации и вышедшей затем книге, сводились к следующему. Под аланами следует понимать родственные между собой сарматские племена языгов, роксоланов, аорсов, сираков, аланорсов, обитавших в восточноевропейских степях и на Северном Кавказе. Особую роль в формировании северокавказских аланов он отводил аорсам. Ю.С.Гаглойти считал, что аланы на Северном Кавказе появляются в лице аорсов, то есть, надо полагать, аланы входили в состав племенного объединения, возглавляемого

аорсами. В дальнейшем в результате перегруппировки племен лидирующее положение занимают аланы, после чего исчезают племенные названия аорсов, сираков, аланорсов, но продолжают сохраняться наименования языгов и роксоланов как разновидностей названия аланов (Гаглойти Ю.С, 1964, с.15; 1966, с. 61-67).

Все это положения были повторены и углублены Ю.С. Гаглойти в двух статьях, вышедших в серии «ALANIKA» (Владикавказ — Цхинвал) в 1990-е гг. Знакомство с ними показывает, что в ряде его суждений и заключений имеется много натяжек. Зачастую фрагментарные сведения письменных источников, которые не могут интерпретироваться однозначно, у Ю.С. Гаглойти приобретают значение «бесспорных» фактов, «не вызывающих никаких сомнений», являющихся «очевидными» (Гаглойти Ю.С., 1995, с.44-58). Он обычно ссылается на мнения, имеющиеся в литературе, которые подтверждают его выводы, и в целом ряде случаев обходит молчанием противоположные точки зрения.

Рассмотрим некоторые эпизоды из его вышеупомянутых статей, имеющие отношение к проблеме происхождения аланов. Как уже отмечалось, Ю.С. Гаглойти основную роль в появлении аланов на Северном Кавказе отводит аорсам, которые достаточно рано обосновываются в Центральном Предкавказье и которых он называет «нижними аорсами». Южная граница этих «нижних аорсов» должна проходить по Центральному Кавказу. Далее следует утверждение, что все это вытекает из данных Страбона, Плиния и Тацита (Гаглойти Ю.С., 1995, с.52).

Наиболее ранняя локализация аорсов дана Страбоном, который называет две их группировки: верхних аорсов, обитавших в Северном Прикаспии, и аорсов, живших по Танаису (Страбон, XI, V, 8). Прочтение Страбона позволяет допускать, что верхние аорсы контролировали земли Северного Прикаспия вплоть до районов Северо-Восточного Кавказа. Но, по мнению Ю.С. Гаглойти, Центральное Предкавказье занимали некие «нижние аорсы» (вообще в источниках нет такого наименования аорсов); остается только допустить, что это аорсы, обитавшие — по Страбону — на Дону. На основании каких же аргументов Ю.С. Гаглойти поселяет здесь этих «нижних аорсов»? Одним из основных доводов для него является сопоставление сведений Плиния и Тацита о бегстве Митридата Боспорского, как полагает Ю.С. Гаглойти, после поражения его коалиции. Из Тацита следуют, что он бежал к аорсам. Плиний же, по мнению Ю.С. Гаглойти, уточняет место расположения последних, отметив, что Митридат бежал к тем савроматам, которые являются соседями эпигерритов, которые в свою очередь должны были обитать за Пятиунтом в Кавказских горах. Ю.С. Гаглойти полагает, что савроматы, упомянутые Плинием, и аорсы Тацита, которым сдался в плен Митридат, один и тот же народ. Такая версия не лишена основания, но она не единственно верная. Из Плиния не ясно, о каком бегстве Митридата он говорит, ведь и его появление у сираков также можно рассматривать как бегство. В этом отношении резонно замечание В.Б. Виноградова о том, что Митридат, потеряв свои владения, уже давно находился «в бегах» (Виноградов В.Б., 1966, с.48). В.А. Кузнецов по этому поводу прямо пишет, что низложенный с боспорско-го престола Митридат VIII «бежал на «азиатскую сторону» Боспора - на Северный Кавказ, к дружественным ему сиракам» (Кузнецов В.А., 1992, с.12) Возможно, именно это бегство Плиний и имел в виду, тогда под его савроматами следует понимать сираков. Тут как раз на память приходит и версия К.Ф. Смирнова, сближающая сираков с савроматами. Кроме того, из Тацита вовсе не следует, что аорсы непременно заселяли Центральное Предкавказье; наоборот, военные действия 49 г., описанные им, позволяют говорить о том, что они находились в более западных районах, а не в тылу у сираков, поскольку военные действия со своими

союзниками начинали с Тамани. Приведенные далеко не полные соображения на этот счет свидетельствуют, что уверенно расселять аорсов в Центральном Предкавказье в это время источники не позволяют. В лучшем случае изложенная версия Ю.С. Гаглойти может существовать как предположение, но не как доказанный факт.

Далее из Ю.С. Гаглойти абсолютно не ясно, когда же произошло переименование аорсов в аланов или перегруппировка племен, приведшая к поглощению аорсов аланами. Как уже отмечалось, Ю.С. Гаглойти считает бесспорным участие аланов в событиях 35 г. После упоминания в письменных источниках аланов должны перестать появляться сведения об аорсах. События 35 г. говорят о том, что кочевники, направленные на Парфию, были достаточно сильны, если это были аланы, то можно считать, что их утверждение как самостоятельной политической силы состоялось и аорсы уже находились под их эгидой. Аланы в 35 г. должны были вторгнуться через Дарьяльское ущелье (Перевалов С.М., 2000, с.205) и, надо полагать, что к этому времени территория к северу от Дарьяля находилась под их контролем. Но далее, рассуждая о расселении аорсов на время войны 49 г., Ю.С. Гаглойти в непосредственной близости от Дарьяльского ущелья размещает аорсов (Гаглойти Ю.С., 1995, с. 44). Из Тацита же следует, что в это время аорсы были абсолютно независимы, имели своего царя и являлись в Причерноморье значительным политическим фактором.

Впрочем, для Ю.С. Гаглойти эти противоречия особого значения не имеют, поскольку «этноним «сарматы» ... в последних вв. до н.э. и в первых веках вв. н.э. являлся собирательным названием, в первую очередь для родственных между собой язигов, роксолан, аорсов, сираков и алан, которые и составляли собственно сарматский этнос» (Гаглойти Ю.С., 1995, с.49). А так как большинство из названных народов генетически связаны с аланами и названия некоторых из них являются лишь разновидностьк названия аланов, то какая разница, кто контролировал Центральное Предкавказье в 1-й половине I в н.э. — аорсы или аланы.

В приведенной цитате из статьи Ю.С. Гаглойти имеется весьма ответственное заявление о некоем едином сарматском этносе, что позволяет ему все известные так называемые «сарматские этнонимы» и народы, стоящие за ними, считать в одинаково степени связанными между собой одним уровне родства между собой, что, на мой взгляд, неверно.

Основной недостаток работ Ю.С. Гаглойти по аланской проблематике заключается в слишком узком подходе к ее решению. В центре его внимания находится только Кавказ и желание доказать как можно более раннее появление здесь аланов. Сарматский мир, имеющий отношение к аланам, рассматривается им достаточно статично, если и происходят какие-либо перегруппировки, то только в рамках предполагаемого сарматского единства. Участие иных этнических компонентов в формировании аланов, например массагетов, только декларируется. Между савроматами и сарматами ставится знак равенства, что определяет глубокую древность последних в Приазовье и Подонье (Гаглойти Ю.С., 1992, с.15,16). К постулируемому Ю.С. Гаглойти сарматскому единству надо подходить весьма осторожно. Возможно, на ранних этапах в III-II вв. до н.э. и существовало племя или племенное объединение названием «сарматы» (Псевдо-Скимн, 874-885; Полибий, XXV, 2, 12), но в дальнейшем в связи с усилением миграционных процессов, охвативших значительные районы евразийского степного пояса, на территории Поволжья, Подонья, Северного Причерноморья появляются новые кочевые группировки, связанные своим происхождением с восточным скифским миром, которые не обязательно находились в близкой степени родства между собой.

Античные историки и географы зачастую не имели никакого представления о конкретном происхождении различных кочевнических группировок, которые обосновывались в восточно-европейских степях и традиционно причисляли их к сарматам, поскольку жили они на момент знакомства с ними античных авторов на той территории, которую еще со времени Теофраста принято было называть «Сарматией». Эти процессы нашли отражение и в динамике освоения кочевниками территории к западу от Дона до Дуная. Движение на запад кочевников, отождествляемых с сарматами, осуществлялось, видимо, не только по их воле, но и при постоянном давлении с востока.

Начало этому процессу было положено созданием хуннской державы к северу от Китая, которая приостановила продвижение на восток ирано-язычных кочевников и обратила их движение вспять. Свое завершение этот процесс нашел, пожалуй, только с образованием Монгольской империи, объединившей в рамках единого государства значительные пространства Степного евразийского пояса. Одним из промежуточных рубежей этого длительного периода был прорыв гуннов к границам Римской империи по Дунаю, после чего иранские кочевники уступают степи тюркоязычным кочевникам, но тенденция, набравшая обороты в предыдущее время, продолжала сказываться еще длительное время, что нашло отражение в целой серии передвижений кочевников с востока на запад в эпоху средневековья. Изложенное, конечно, не означает, что почти полторы тысячи лет в степном поясе кочевники чередой двигались друг за другом. Здесь были и периоды длительной стабильности. Речь идет об общей исторической закономерности, проявляющейся с определенной очевидностью на достаточно длительной временной дистанции.

Как уже отмечалось, трудно согласится с Ю.С. Гаглойти в том, что сразу же после появления аланов в источниках исчезают упоминания об аорсах, а сохраняются только этнонимы «роксоланы» и «языги» как разновидности названия аланов, и что процесс замены имени аорсов на имя аланов одинаково происходил как на Северном Кавказе, так и на Дунае. В доказательство этого положения он приводит известное сообщение Плиния о расселении племен на Дунае, в котором тот перечисляет народы, жившие к северу от него, среди которых упоминаются аорсы, затем аланы и роксаланы. Этот фрагмент Ю.С. Гаглойти трактует как доказательство смены аорсов аланами (Гаглойти Ю.С., 1995, с.55). Но если придавать временной смысл перечислению народов, заселявших прибрежные местности к северу от Истра и следовать тому списку народов, который приводит Плиний, то аорсов должны были сменить «рабского происхождения скифы, или троглодиты», а не аланы (Плиний, NH, IV, 80). К тому же некоторые исследователи трактуют этот фрагмент из «Естественной истории» не как временное, а территориальное расселение племен вдоль побережья Понта (Симоненко В.А., 1991, с.73). Ссылка Ю.С. Гаглойти на Теггарта о том, что аорсы Плинием здесь упоминаются не позже 49 г. потому, что там же упоминается свевское царство Ванния, разгромленное римлянами в 50 г., некорректна. Из Плиния абсолютно ясно, что царство Ваннианское никакого отношения к аорсам не имеет, речь о нем идет уже в другом параграфе. Ближайшим его окружением были даки, бастарны и, видимо, языги. Эти земли располагались в другом месте «выше к северу», нежели те, которые должны были занимать аорсы. Кроме того, у Тацита, основного источника по событиям, связанным с этим царством, речь не идет о разгроме его римлянами, более того, его правитель Ванний был ставленником Рима. Во время правления Клавдия оно было захвачено родственниками Ванния, которые продолжали сохранять к Риму «безупречную честность» (Тацит, Ann., XII, 29,30) Сам же Ванний бежал к римлянам, которые передали ему в управление земли в Паннонии. Не объясняет Ю.С. Гаглойти и

то, какие аорсы объявляются на Дунае в 1-й половине I в. н.э., ведь по его же данным в это же время они должны были контролировать и Центральное Предкавказье.

В настоящее время есть и другие доказательства того, что аорсы и во 2-й половине I в. н.э. были достаточно мощной и самостоятельной политической силой в Северном Причерноморье, в частности, ставший недавно известным Мангупский декрет с упоминанием великих царей Аорсии. Ю.Г. Виноградов, исходя из палеографического анализа текста, относил его к памятникам ольвийской эпиграфики и датировал 60-ми гг. I в. н.э., полагая, что Ольвия в это время находилась под протекторатом аорских царей (Виноградов Ю.Г., 1994, с. 167). Можно, конечно, поспорить с Ю.Г. Виноградовым относительно интерпретации содержательной стороны этого декрета, но факт упоминания Аорсии в это время в Причерноморье остается в силе (Скрипкин А.С., 1996, с. 161-163). Все это свидетельствует о том, что исчезновение упоминаний об аорсах после 49 г. — факт отнюдь не бесспорный, как он представляется Ю.С. Гаглойти.

Не подтверждается источниками и утверждение Ю.С. Гаглойти, что номенклатура сарматских племен Северного Кавказа и Северного Причерноморья в I в. н.э. была одной и той же. Поселение им на Северном Кавказе роксоланов и языгов является произвольным (Гаглойти Ю.С., 1995, с. 55,56). Известна достаточно четкая и наиболее ранняя локализация Страбоном роксоланов между Доном и Днепром и затем, по другим источникам, дальнейшее их смещение к западу. Языгов на основании источников, которые дают представление об их первоначальном обитании (Птолемей, Аммиан Марцеллин), далее Азовского моря на восток навряд ли можно поселить (Скржинская М.В., 1977, с. 42; Максименко В.Е., 1998, с. 162-165). Таким образом, все утверждения Ю.С. Гаглойти о глобальности процессов от Северного Кавказа до Дуная, имеющих отношение к утверждению здесь аланов, в такой подаче не могут быть приняты как абсолютно верные.

Пытаясь доказать довольно раннее появление аланов на Северном Кавказе, Ю.С. Гаглойти утверждает, что по письменным источникам «четко прослеживается» принадлежность аланов к сарматам, также как и появление их названия в результате перегруппировки сарматских племен. В данном случае просто обходятся молчанием другие точки зрения о том, что в ряде источников аланы противопоставляются сарматам (Мачинский Д.А., 1974, с. 127) или в ранних сообщениях античных авторов они обычно не отождествляются с сарматами (Раев Б.А., 1979, с. 13-15). Да ведь и известно, что в некоторых источниках аланы считаются не сарматами, а с массагетами. Эта традиция в прошлом в литературе была настолько сильна, что сохранялась вплоть до средневековья.

Не совсем верно и утверждение Ю.С. Гаглойти о том, что со II в. до н.э. основной территорией расселения сарматов следует считать Северный Кавказ и Причерноморье с Подоньем, а не Поволжье и Южное Приуралье (Гаглойти Ю.С., 1992, с.15,16). Сарматы действительно со II в. до н.э. начинают интенсивно осваивать вышеназванные Ю.С. Гаглойти территории, но плотность заселения (особенно Нижнего Поволжья) сарматами на основании археологических памятников остается очень высокой вплоть до конца сарматской эпохи, о чем свидетельствуют элементарные статистические подсчеты (Скрипкин А.С., 1990; 1997а, с. 131-212). Не имея данных по Северному Кавказу, могу достоверно сказать, что Нижнее Поволжье по количеству сарматских памятников указанного времени в несколько раз превосходит аналогичный показатель по Северному Причерноморью (Симоненко А.В., 1999). И уж совсем абсурдно

заявление Ю.С. Гаглойти, что название «Сарматия» ко времени II-I вв. до н.э. прочно связывается с Приазовьем и Северным Кавказом. Ссылка при этом делается на Страбона, назвавшего северокавказские равнины сарматскими, и Птолея, якобы отождествляющего Северный Кавказ с Азиатской Сарматией (Гаглойти Ю.С., 1992, с. 16).

Название «Сарматия», если не учитывать спорного предположения Д.А. Мачинского о его появлении в IV в. до н.э. (Мачинский Д.А., 1971, с. 45,46), впервые было зафиксировано у Теофраста на рубеже IV-III вв. до н.э., но его трудно локализовать (Теофраст, «О водах»). В дальнейшем, вплоть до первых веков н.э., никаких уточнений, какую территорию занимала «Сарматия», в источниках нет. И уж достаточно заглянуть в «Руководство по географии» Птолея, чтобы получить представление о территории Азиатской Сарматии; Северный Кавказ, как окажется, составит незначительную ее часть.

В одной из упомянутых выше статей Ю.С. Гаглойти затрагивает проблему распространения катакомбного обряда на Северном Кавказе, отстаивая его сарматские истоки; этот обряд рядом исследователей уже с начала н.э. отождествляется с аланами. По этому вопросу он вступает в полемику с М.П. Абрамовой, которая считала, что этот обряд напрямую не связан с появлением на Северном Кавказе сарматов и что во 2-й половине I тыс. до н.э. камерный обряд погребения распространяется в Прикубанье, Тамани и Крыму, в чем можно видеть дань некоей общей традиции, характерной для этого времени в целом. Не вдаваясь в правоту суждений М.П. Абрамовой, посмотрим, как Ю.С. Гаглойти опровергает их. Для него совершенно ясно, что распространение камерных погребальных сооружений в указанных М.П. Абрамовой районах связано с проникновением туда сарматов. Причем в Крыму сарматы обосновываются в III-II вв. или даже со 2-й половины IV в. до н.э. (Гаглойти Ю.С., 1992, с.17-19). В первом случае ссылка делается на автореферат И.И. Лобовой (Гушиной), опубликованный в 1956 г., во втором — на статью Ю.М. Десятчикова, опубликованную в 1973 г. Я ничего не имею против этих авторов, но сделанные ими выводы в указанных работах уже во многом устарели к моменту написания Ю.С. Гаглойти рассматриваемой статьи. Посмотрим, что дают на этот счет более новые исследования. В Северном Причерноморье сарматы появляются не ранее II в. до н.э. (Симоненко А.В., 1993). В Крыму сарматы по письменным источникам фиксируются в то же самое время, но там «не известны сарматские погребения, датируемые II-I вв. до н.э.» (Храпунов И.Н., 1995, с.56) Вокруг проблемы освоения сарматами Скифии накопилось уже достаточно литературы, в которой признается, что сарматские памятники на ее территории начинают распространяться только со II в. до н.э. Сенсацию вызвала в свое время статья Ю.Г. Виноградова, которому якобы в одном из эпиграфических херсонесских памятников, относящихся к III в. до н.э., удалось прочесть название сарматов, имевших отношение к крымским событиям (Виноградов Ю.Г., 1997, с. 104-125), но насколько это верно, покажет будущее.

(1. Сарматская гипотеза) - В. Кузнецов

Концепция происхождения аланов **В.А. Кузнецова** отличается от взглядов Ю.С. Гаглойти тем, что она основывается на их этнической многокомпонентности. В ней не только декларируется участие среднеазиатских народов в формировании аланов, но и предпринимается попытка выяснить роль некоторых из них в этом процессе. По отдельным же моментам освещения данной проблемы точки зрения В.А. Кузнецова и Ю.С. Гаглойти совпадают.

В.А. Кузнецов, также как и Ю.С. Гаглойти, в вопросе происхождения аланов большое значение придает аорсам, которые археологически представлены прохоровской культурой. В этом отношении В.А. Кузнецов придерживался версия К.Ф. Смирнова, по которой ранние прохоровские памятники Южного Приуралья следует отождествлять с протоаорсами. В.А. Кузнецов, ссылаясь на различных исследователей, подчеркивал, что в прохоровской культуре присутствуют черты, характерные для культур сако-массагетского круга Средней Азии, и не исключал, что «какая-то часть аорсов входила в массагетскую конфедерацию» (Кузнецов В.А., 1992, с. 13).

Далее В.А. Кузнецов постулирует археологическую близость аорсов и аланов, заключающуюся в характерном для тех и других обычае сооружать погребальные ямы катакомбной конструкции и сходстве ряда других культовых черт (Кузнецов В.А., 1992, с.18,19).

О родстве аорсов и аланов, по мнению В.А. Кузнецова, свидетельствует и составной этноним «аланорсы», упомянутый Птолемеем, который является переходным, видимо, на момент переоформления лидерства в объединении кочевников, возглавляемого сперва аорсами, а затем аланами. После этих событий, конкретным рубежом которых является 49 г. н.э., как полагает В.А. Кузнецов, упоминания об аорсах и сираках исчезают со страниц исторических хроник. На тех территориях, где раньше размещались аорсы и сираки, появляются аланы, что является свидетельством произошедшего слияния предыдущих группировок кочевников в одно этнополитическое объединение под общим для всех именем «аланы» (Кузнецов В.А., 1992, с. 19). Все сказанное полностью соответствует концепции Ю.С. Гаглойти, о которой речь шла выше.

Правда, В.А. Кузнецов не так однозначно подходил к вопросу о том, происходила ли смена населения в восточноевропейских степях или нет во время утверждения здесь аланов. Он отмечал, что в науке нет единого мнения на этот счет. Все же последнее кажется ему более обоснованным, что, как он полагает, подтверждается известным свидетельством Аммиана Марцеллина о постепенном подчинении аланами других народов и распространении на них своего имени. В.А. Кузнецов допускал, что наименование «аланы» могло употребляться в двух значениях: политическом, покрывающим другие подчиненные племена, и более узком — как часть кочевников, возвысившаяся над остальными сарматскими группировками. Однако наименование «аланы» достаточно быстро становится популярным этниконом, известным от Средней Азии до Западной Европы благодаря подвижному образу жизни кочевников (Кузнецов В.А., 1992, с.19,20).

Как считает В.А. Кузнецов, версию о близости аорсов и аланов усиливают и данные китайских источников, в частности упоминание в них, начиная с Сыма Цяня, владения Яньцай, которое по данным более позднего сочинения «Хоу хань шу» было переименовано в Аланья. В.А. Кузнецов считает убедительной лингвистическую реконструкцию Ф. Хирта, согласно которой Яньцай является китайской транскрипцией наименования аорсов. Далее он локализует Яньцай «на степных просторах от Дона до Южного Приуралья», что, по его мнению, точно совпадает с территорией расселения верхних аорсов. Факт переименования Яньцай в Аланья, пишет В.А. Кузнецов, окончательно решает вопрос о связи аорсов с аланами (Кузнецов В.А., 1992, с.20,21). Наряду с этим он отмечает, что область Яньцай-Аланья является хотя и основным, но не единственным районом формирования аланов. В процессе складывания аланов принял участие и ряд ираноязычных народов Средней Азии. В частности,

значительную лепту в него внесли масса-геты, которые длительное время были соседями аорсов и которые вообще являются ближайшими родственниками савромато-сарматов. В.А. Кузнецов приводит примерную реконструкцию появления массагетов на Северном Кавказе. В IV в. до н.э. дахи вытесняют массагетов из занимаемых областей, следствием чего явилось форсирование отдельными группами последних в первые века н.э. Волги и появление их на Северном Кавказе. Обнаружили себя эти массагеты под именем маскутов в IV в. н.э. во время вторжения в Армению с территории Приморского Дагестана и Северного Азербайджана. Однако в этой своей реконструкции В.А. Кузнецов не до конца последователен, поскольку не исключает появления массагетов на Кавказе и в более раннее время, ссылаясь на упоминание их Аммианом Марцеллином, приуроченное к событиям I в. до н.э. (Кузнецов В.А., 1992, с.28). Роль среднеазиатских племен в сложении аланов не ограничивалась только массагетами, В.А. Кузнецов считает, что к этому процессу причастны и асии-асы, входившие в массагетское племенное объединение. Письменные средневековые источники практически отождествляют асов и аланов, но В.А. Кузнецов полагает, что асы и аланы близкородственные, но разные этнические подразделения (Кузнецов В.А., 1992, с. 30). Подводя итог этим этнополитическим реконструкциям, В.А. Кузнецов подчеркивает, что среднеазиатские массагеты и асии сыграли не меньшую роль в формировании аланов, нежели аорсы, а также сираки Северного Кавказа. Не исключал он участия в этом процессе и тохаров, известных по событиям также в Средней Азии, причем в подтверждение в данном случае им приведены в основном соображения лингвистического порядка — некоторые языковые связи между тохарами и сако-массагета-ми, нашедшие отражение в осетинском языке, а также данные тохарской этнонимии на Кавказе (Кузнецов В.А., 1992, с.31,32). Таким образом, по В.А. Кузнецову аланы сформировались из различных древнеиранских этнических компонентов: аорсов, сираков, массагетов, асиев и, возможно, тохаров.

Постепенная аккумуляция ираноязычных кочевников на Северном Кавказе, начавшаяся еще до н.э. и достигшая своего апогея к началу н.э., приводит, по мнению В.А. Кузнецова, к утверждению здесь сармато-аланов, которые заявляют о себе уже в 35 г. н.э.

В.А. Кузнецов придерживается точки зрения о сарматском происхождении катакомбного обряда на Северном Кавказе и принадлежности его впоследствии аланам. Он считает, что этот обычай постепенно распространялся с сарматской территории, начиная с Южного Приуралья, родины аорсов, в Нижнее Поволжье, Калмыкию, Ставрополье и, наконец, во II-I вв. до н.э. он становится известным на Кавказе (Чегем, Нижний Джулат). О том, что катакомбный обряд связан с аланами с начала их появления на Северном Кавказе, по В.А. Кузнецову, подтверждает то обстоятельство, что в более позднее время (VI-XII вв.), когда территория аланов на Северном Кавказе достаточно хорошо очерчивается данными письменных источников и исторической топонимикой, она полностью совпадает с ареалом распространения катакомбных могильников (Кузнецов В.А., 1992, с.42,43).

Однако проблема формирования аланского этноса на Северном Кавказе по В.А. Кузнецову не ограничивается только вышеописанным. Оценивая археологическую ситуацию в этом районе во II-III вв., в частности, сокращение впускных в курганы погребений, исчезновение в 1-й половине III в. грунтовых могильников предгорно-равнинной зоны, он высказал мнение, что все эти изменения были вызваны мощным передвижением новой волны сармато-аланов с севера, тождественных носителям позднесар-матской археологической культуры и оставивших свой след в ономастике

Танаиса. Эти новые пришельцы победили ранее обосновавшихся здесь сармато-аланов и затем слились с ними в единый народ. Катакомбные памятники Северного Кавказа III-IV вв. принадлежали уже этому обновленному сармато-аланскому населению (Кузнецов В.А., 1992, с.39).

Теперь я хотел бы остановиться на спорных, как мне кажется, моментах рассмотренных выше положений В.А. Кузнецова по проблеме происхождения аланов, в первую очередь о роли аорсов в этом процессе, так, как она определяется указанным автором. Во-первых, точка зрения К.Ф. Смирнова о связи происхождения аорсов со становлением и распространением прохоровской культуры, на которую опирается В.А. Кузнецов, всего лишь научная гипотеза, которая, как и любая другая, имеет свои контраргументы. Например, Страбон, впервые приведший реальные сведения об аорсах, в Южном Приуралье размещал даев, сыгравших существенную роль в среднеазиатской и передневозточной истории. В настоящее время есть основания утверждать, что аорсы, также как и роксоланы, а возможно, и сираки появляются в указанных Страбоном местах не ранее II в. до н.э. Именно на этот век приходится ряд существенных подвижек кочевников в значительной части евразийского степного пояса от Монголии до Северного Причерноморья. На страницах письменных источников с этого времени появляется новая этническая номенклатура, ранее не известная древним историкам и географам — это юэчжи, усунь, асии, тохары в Средней Азии; роксоланы, аорсы, сираки, сатархи — в Причерноморье. Именно в это время новые объединения кочевников начинают активно осваивать Северное Причерноморье к западу от Дона, ощущается значительное увеличение кочевого населения на Кубани (Марченко И.И., 1996, с. 82-92). Следует отметить, что и сама прохоровская культура со II в. до н.э. выглядит уже в значительной мере иной по сравнению с ее ранним этапом. В ней обнаруживается существенное влияние традиций восточных ареалов кочевого мира, вплоть до Китая (Скрипкин А.С., 2000, с. 137-149; 2000а). Сказанное выше не согласуется с постепенным локальным развитием раннесарматской (прохоровской) культуры от Южного Приуралья в сторону Кавказа, на нее существенное влияние оказывали и глобальные процессы, имевшие место во всем степном евразийском поясе. Существенная перекройка этнической карта восточноевропейских степей, произошедшая во II в. до н.э., впервые нашла отражение в «География Страбона, из которой мы и получаем первые сведения об аорсах и других новых племенах.

Весьма спорно размещение аорсов, предложенное В.А.Кузнецовым. Так, в первой главе своей книги, цитируя Страбона, он сначала дает картину расселения аорсов, соответствующую тексту «Географии». Затем неожиданно следует утверждение: «Итак, по Страбону, на рубеже нашей эры аорсы делились на верхних и нижних». Вновь откуда-то появляются «нижние аорсы», о которых, как уже говорилось в отношении работ Ю.С. Гаглойти, у Страбона ничего не сообщается. В связи с этим нововведением «нижние аорсы» уже размещаются В.А.Кузнецовым южнее верхних аорсов, они «занимали большую часть равнинного Предкавказья восточнее сираков, включая Ставропольскую возвышенность, Северо-Восточный Кавказ и достигали предгорий Кавказского хребта (Кузнецов В.А., 1992, с. 11,12). Это весьма произвольное толкование сведений Страбона об аорсах, из которых никак не следует, что существовали какие-то «нижние аорсы», обитавшие южнее верхних аорсов и восточнее сираков. У Страбона упоминается о двух подразделениях аорсов, вероятно, политически самостоятельных, так как каждое из них имело своих правителей. Одно из них обитало по течению Танаиса и, надо полагать, располагалось севернее сираков, о чем собственно Страбон и говорит, а другое, верхние аорсы, владело «почти что

большей частью побережья Каспийского моря» (Страбон, XI, 5, 8). Они-то, верхние аорсы, и могли достигать районов Северо-Восточного Кавказа. Наличие верхних аорсов не обязательно должно предполагать существование и нижних аорсов, так как у Страбона слово «выше», как уже указывалось в литературе, не всегда обозначает севернее, а может просто указывать некую отдаленность (Мачинский Д.А., 1974, с. 124). В таком случае верхних аорсов можно назвать и «дальними аорсами», живущими дальше той их группировки, которая обосновалась на Дону. Таким образом, данные Страбона не позволяют считать, что какое-то подразделение аорсов изначально обитало на Северном Кавказе, поскольку территориально указанные группировки аорсов, скорее всего, располагались не по направлению север — юг, а по направлению запад — восток.

Весьма уязвима, как это видится сегодня, и версия В.А. Кузнецова о соответствии названий владения Яньцай и аорсов. Лингвистическая реконструкция Ф. Хирта, отождествляющая китайское название Яньцай с аорсами античных источников, на которую опирается В.А. Кузнецов, это одна из гипотез, которая не разделяется многими исследователями. Причем, как показывают специальные исследования, нет в настоящее время веских оснований определять территорию владения Яньцай от Дона до Южного Урала. Так, например, Л.А. Боровкова на основании тщательного изучения китайских источников, используя новые разработки китайских исследователей, определила, что владение Яньцай должно располагаться в Юго-Восточном Приаралье с центром недалеко от современной Кызыл-Орды и вряд ли его территория достигала Прикаспия (Боровкова Л.А., 1989, с.65). Известный специалист по среднеазиатской археологии Ю.А. Заднепровский, высказавший ряд замечаний по книге Л.А. Боровковой, тем не менее Яньцай помещал в Приаралье (Заднепровский Ю.А., 1997, с. 19, 65-73).

В последнее время о значительном расширении границ Кангюя в северо-западном направлении вплоть до р. Урал высказалась Б.И. Вайнберг, в соответствии с чем в этом направлении сдвигаются и границы Яньцай. По ее мнению, это владение должно располагаться на территории Северного Прикаспия от полуострова Бузачи на востоке до дельты Терека на западе. Далее она, ссылаясь на данные китайских источников, пишет, что «наличие городов или глинобитных поселений в Яньцай вряд ли может вызвать удивление...» (Вайнберг Б.И., 1999, с.275). Мне же представляется, что как раз это и вызывает удивление. Во-первых, Б.И. Вайнберг, как кажется из текста соответствующего раздела ее книги, не возражает против отождествления Яньцай с аорсами (Вайнберг Б.И., 1999, с.267), но античные авторы характеризуют аорсов как амаксобиев (живущих в кибитках), то есть не знающих ни поселений, ни, тем более, городов. Во-вторых, на территории, очерченной Б.И. Вайнберг для Яньцай, неизвестны города, относящиеся к тому времени, да и значительная часть Северного Прикаспия между реками Уралом и Волгой, практически до низовий Узеней, занятая пустыней Рын-пески, мало пригодна для организации не только городской, но и жизни вообще.

Ю.А. Зуев, также расширительно толковавший локализацию Яньцай, считал, что это владение располагалось все же на территории современного Казахстана, а его политический центр Хулу (Хвара) находился на Нижней Сырдарье. Правда, его отождествление Яньцай с абзоями Плиния, которых он называет сармато-аланами и которые в то же время были аорсами, выглядит весьма эклектично (Зуев Ю., 1995, с. 38-49).

Внимательное прочтение соответствующих разделов XI книги «Географии» Страбона не позволяет считать Южное Приуралье зоной обитания аорсов, не могли они граничить и со среднеазиатским Кангюем. Страбон делит Азию на две большие части по горному хребту Тавру, одна из них расположена с севера от него, другая к югу. Северная часть Азии в свою очередь подразделяется еще на две части, граница между которыми проходит по Каспийскому морю, соединенному с океаном узким проходом. Этот узкий проход может быть отождествлен с Волгой, с севера впадающей в Каспий. Первую часть этой «Северной Азии», располагавшейся к западу от указанной границы, занимали «сарматы (также скифы), аорсы и сираки», территория этих племен к югу проецируется на Кавказ. Во второй части, к востоку от входа в Каспийское море, по Страбону, живут восточные скифы, первыми из которых являются дан по прозвищу апарны, далее следуют массагеты, саки и прочие скифы (Страбон, XI, VII, 1, VIII, 2).

Таким образом, говорить о полном совпадении территорий, занимаемых аорсами и владением Яньцай, вряд ли возможно, тем более считать, как это делает В.А. Кузнецов, что переименование Яньцай в Аланья окончательно решает вопрос о неразрывной связи аорсов и аланов. Владение Яньцай, исходя из уровня информированности китайцев в то время, вряд ли могло выходить за пределы современных границ Средней Азии, как это и считает большинство исследователей.

Не следует, вероятно, и составной этноним «аланорсы» рассматривать как переходный, то есть используемый на период начала утверждения аланов в аорской среде. Может быть и иная интерпретация этого этнонима (предлагаемая, например, Т.А. Габуевым) — не как состоящего из названия двух народов, а как названия одного народа, переводимого как «белые аланы» (алан-урс), которых Птолемей помещает в Азии вместе с аланами (Габуев Т.А., 1999, с.123,124).

Наиболее продуктивными, как мне представляется, в концепции В.А. Кузнецова являются поиски среднеазиатских корней аланов, что в большей мере отвечает и письменной традиции, отождествляющей аланов с массагетами. Однако связывая аланов со среднеазиатскими массагетами, он должен был объяснить, о каких массагетах в данном случае идет речь. Так, асиев, зафиксированных письменными источниками в событиях II в. до н.э. в Средней Азии, В.А. Кузнецов считает входившими в массагетский племенной союз, в то же время несколько выше он принимает утверждение В.И. Пьянкова о том, что к концу V в. до н.э. происходит распад этого самого массагетского племенного союза (Кузнецов В.А., 1992, с. 28,29). Скорее всего, прав Т.А. Габуев, отметивший, что данные античных авторов об аланах как о «бывших массагетах» не следует воспринимать прямо, в них речь, вероятно, идет о той древней родине, откуда вышли аланы, по традиции отождествляемой с территорией массагетов (Габуев Т.А., 1999, с. 125).

(2. Центрально-азиатская гипотеза) - С. Яценко, Т. Габуев, А. Цуциев

В последнее время усиливает свои позиции концепция об азиатском или, если быть точнее, центрально-азиатском происхождении аланов. Отдельные вопросы этой тема уже не раз поднималась ранее в работах Б.А. Раева, Б.М. Керефова, автора данной статьи и других. Мне хотелось бы остановиться на новых работах этого плана, в которых были учтены разработки предыдущих авторов. Это в первую очередь публикации С.А. Яценко, Т.А. Габуева и А.А. Цуциева.

С.А. Яценко, проанализировав имевшуюся на начало 1990-х гг. литературу по вопросам происхождения аланов, пришёл к выводу, что существует семь концепций относительно этногенеза аланов, имеющих своих авторов и более или менее четко сформулированные постулаты. Вот их перечень, приводимый в той последовательности, в которой он дан в его статье: скифская, аорская, массагетская, алтайская, юэчжийско-тохарская, усуньская и считающая аланов межэтнической дружинной организацией (Яценко С.А., 1993, с.60). Сам С.А. Яценко предлагает восьмую версию, которая, на мой взгляд, основывается на отдельных положениях вышеперечисленных концепций.

С.А. Яценко обобщил данные инновационного характера в материальной культуре, погребальном обряде и специфике искусства, фиксируемые в культуре европейских номадов с I-II вв., то есть во время утверждения здесь аланов, и находящие аналогии в центрально-азиатских районах (саяно-алтайских, хуннских, юэчжийско-бактрийских памятниках) (Яценко С.А., 1993, с.60-70; 1993а, с. 71-75). Он выделяет, по далеко не полным данным, около сорока явлений инновационного порядка в сарматских памятниках указанного времени, на основании которых, по его словам, может быть выстроена противоположная автохтонной сарматской версия происхождения аланов, которую он называет трехэтапной.

Исходя из наличия в погребениях Восточной Европы, претендующих быть аланскими, сочетания ряда элементов, характерных для саяно-алтайских хуннских и юэчжийских культурных традиций, пра родина «первоначального ядра прото-аланов» должна по С.А.Яценко находится к югу от Алтайских гор. Он полагает, что, скорее всего, они (прото-аланы) должны быть связаны с объединением, возглавляемым усунями. Это утверждение носит предположительный характер, поскольку, как пишет С.А. Яценко, за 300 лет, прошедших с того момента, когда усунь двинулись на запад и достигли восточноевропейских степей, в их культуре и составе должны были произойти существенные изменения, что и не дает возможности более четко очертить район их первоначального обитания (Яценко С.А., 1993, с. 67).

Первый этап формирования аланов по концепции С.А. Яценко связан с активизацией хунну, переселением юэчжей, а затем и усуней в середине II в. до н.э. в Семиречье; утверждение здесь усуней, в состав которых частично вошли саки и юэчжи.

Второй этап связан с превращением усуней, а в их составе и прото-аланов, в серьезную политическую силу в Средней Азии в конце II-I вв до н.э., установлением союза усуней с Китаем, направленного против хунну.

Третий этап характеризуется вхождением в сферу влияния усуней Кангюя (Канцзюй), переселением туда части усуней в период борьбы у них за престол, что привело к усилению Кангюя. В это время происходит переименование одного из вассалов Кангюя, Яньцай, в Аланья. По мнению С.А. Яценко, это событие произошло между 25 и 50 гг. Аланы в Кангюе появляются вместе с переселением усуней и уже, видимо, в рамках политики Кангюя захватывают Яньцай. Таким образом, появление аланов на исторической арене состоялось.

Назвав свою концепцию трехэтапной, С.А. Яценко выделяет и четвертый этап, но, видимо, он имеет отношение уже к сформировавшимся аланам. Начало этого этапа приходится на середину I в. н.э., когда аланы продвигаются на запад, громят верхних аорсов, донские аорсы под их напором уходят за Днепр, после чего происходит

утверждение аланов в Восточной Европе. Часть аланов остается в Приаралье, где они будут известны и в средневековье (Яценко С.А., 1993, с. 67,68).

По данным С.А. Яценко, основными районами, где первоначально обосновались аланы, были низовья Дона и Волги, а также Кубань. Картирование центрально-азиатских инноваций позволило ему выделить три района их концентрации: устье Дона, который он называет основным, правобережье Волги (выше Астрахани) и Средняя Кубань («Золотое кладбище» и более южные районы). Условно эту территорию он называет «Аланией» I-II вв. Такое тройственное распределение С.А. Яценко считает типичным членением структуры федераций кочевников, нашедшим отражение и у потомков аланов — осетин, делившихся на иронцев, дигорцев и двалов (Яценко С.А., 1993, с. 61).

Наиболее полно версия о роли кочевого мира центрально- и среднеазиатского регионов в процессе формирования аланов была изложена в недавно вышедшей и уже цитировавшейся мной книге **Т.А. Габуева** (Габуев Т.А., 1999). Из имеющихся на сей день работ в ней, пожалуй, наиболее полно использованы китайские письменные источники. Сделанные им выводы позволяют значительно укрепить позицию сторонников формирования аланов в среде ираноязычных кочевников Азиатской Скифии. Центром внимания Т.А. Габуева стали события, имевшие место до, во время и после завоевания в начале 2-й половины II в. до н.э. кочевниками Греко-Бактрии, которые нашли отражение как в китайской, так и в античной литературе. Опираясь на предыдущие исследования, Т.А. Габуев предложил наиболее приемлемый вариант отождествления китайских и античных этнонимов, упомянутых в вышеуказанных событиях, которое выглядит следующим образом: юэчжи = тохары; усунь = асии-асианы; сэ = саки-сакаравлы. Хотя, по мнению Т.А. Габуева, этот ряд сопоставления в определенной мере гипотетичен, он тем не менее дает возможность синхронного толкования данных китайских и античных авторов.

Интересным, как мне представляется, является вывод Т.А. Габуева о том, что юэчжи, обитавшие в провинции Ганьсу по соседству с Китаем, и юэчжи, покорившие Греко-Бактрию, уже существенно отличались друг от друга. Если на первоначальной своей территории юэчжи — это тохары, то на момент завоевания Греко-Бактрии юэчжи включали сэ (саки-сакаравлы) и усуней (асии-асианы). Весьма существенным в данном моменте является возможное вхождение усуней в состав юэчжей, поскольку усунь могут быть сопоставлены с асиями античных авторов, а асии, в свою очередь, с аланами. Такая реконструкция дает возможность предположить, что, по крайней мере, предки аланов принимали участие в юэчжийском вторжении в Бактрию. Судьба усуней и юэчжей довольно часто переплеталась, начиная с их совместного проживания далеко на востоке в Ганьсу, что позволяет высказать предположение о древней прародине аланов, которым может являться указанный район Центральной Азии. Т.А. Габуев, конечно, понимает предположительный характер этих выводов, тем не менее, справедливо считает, что это направление исследования является заслуживающим внимания если не в определении древней родины собственно аланов, то, по крайней мере, одного из составляющих их компонентов (Габуев Т.А., 1999, с. 79-85).

Т.А. Габуев обратил внимание на тот факт, что владение Яньцай не только было переименовано в Аланья, но в «Бэй шу» (История Северных династий) и ряде других династийных хроник называется еще и Вэньнаша. Это название представляет особый интерес для данной темы, поскольку в «Хань шу» упоминается правитель области, расположенной на территории провинции Ганьсу, носивший титул вэньоутован. Это

территория, где раньше обитали юэчжи, а после ухода большей их части там остались малые юэчжи. Причем, как полагает Т.А. Габуев, первая часть термина «вэнь» является родовым княжеским именем, а «оуто-ван» собственно титул. Уже в Средней Азии от юэчжей отделяется какая-то часть их и образует на землях Кангюя правящий дом с родовым именем Вэнь и начинает контролировать если не всю, то часть его территории. Впоследствии возросшая мощь Кангюя позволила ему расширить территорию за счет других владений; в их числе было и владение Яньцай, которое после подчинения получило имя Аланья и Вень-наша. Последнее название дано в китайской традиции с указанием правящей династии.

Изложенное находит подтверждение и в других китайских источниках. Так, в «Вей шу» (История Вэй, 384-534 гг.) есть упоминание, что владетель Вынь (Вэнь) происходит из Дома Юэчжи и что после разгрома юэчжей хунну он утвердился в древнем царстве Кан, которое территориально совпадало с древней кангюйской землей. Таким образом, династийное название Вэньнаша юэчжийского происхождения, в то же время Яньцай воспринимает и этническое название Аланья. Все это позволило Т.А. Габуеву поставить вопрос о связи аланов с юэчжийским объединением (Габуев Т.А., 1999, с. 90-98).

Удалось ему, на мой взгляд, и достаточно убедительно доказать идентичность владения Кан, упоминаемого в раннесредневековых китайских династических хрониках, и Кангюя, известного по письменным источникам ханьского времени, а соответственно и связи правящего юэчжийского Дома Вэнь с Кангюем, в свою очередь имевшего, вероятно, прямое отношение к аланам. Именно с канско-кангюйским государством связан ряд названий аланского круга: города Алань, Аланьми, а также князь Аланьми «из Дома канского государя» (Габуев Т.А., 1999, с. 117).

Основной вывод, к которому приходит Т.А. Габуев, заключается в следующем. В становлении аланов выделяются два первоначальных компонента — юэчжи-тохары и усунь-асии. К ним следует присоединить и коренное кангюйское население. Усунь и юэчжи длительное время бок о бок проживали у границ Китая, но окончательное формирование аланов происходит уже в Кангюе, который Т.А. Габуев называет их колыбелью (Габуев Т.А., 1999, с. 128). Значимую роль в этом процессе, по его мнению, сыграла «национальная идея», объединившая различные кочевнические группировки (истоки которой он видит в общем их арийском происхождении) и нашедшая отражение в их названии, поскольку по В.И.Абаеву этноним «аланы» является эквивалентом термина «агуа» — древнем наименовании иранских и арийских народов (Габуев Т.А., 1999, с. 119,129).

Движение аланов на запад было в тех условиях наиболее приемлемым направлением реализации «пассионарности» нового этнополитического образования, поскольку хунну с востока, а юэчжи, основатели Кушанской империи, с юга существенно ограничивали иные направления устремлений аланов. Успешному утверждению аланов в восточноевропейских степях способствовала раздробленность сарматского мира, о чем неоднократно упоминается в сочинениях античных авторов (Габуев Т.А., 1999, с. 130).

Ведущая роль кочевого мира среднеазиатского региона в формировании аланов обосновывается и в недавно появившихся работах **А.А. Цуциева** (Цуциев А.А., 1995, с. 34-43; 1999, с. 3-26). Основные положения его версии сводятся к следующим

моментам. Судьба раннеаланского этноса связана по китайским источникам с таким государственным образованием, как Кангюй и Яньцай. Поскольку локализация Яньцай имеет принципиальное значение для данной проблемы, А.А. Цуциев уделяет этому вопросу особое внимание и, несмотря на разнообразие мнений на этот счет, приходит к выводу о наиболее предпочтительном его нахождении в Восточном Приаралье (Цуциев А.А., 1999, с. 15). До переименования Яньцай в Аланья (Аланья или Аланьяля), по мнению А.А. Цуциева, его населяли массагеты, что подтверждается сопоставлением данных о месте их обитания по Страбону и описания Яньцай китайскими авторами. Завоевание Яньцай аланами он, как и С.А. Яценко, относит к времени между 25 и 50 гг. Оба автора не дают обоснования этой даты, но смысл ее в общем понятен. К 25 г. относят начало Поздней Хань, в описании истории которой отмечается событие, связанное с переименованием Яньцай (Хоу хань шу); 50 г. — время, не ранее которого аланы появляются в Восточной Европе.

Аланы вторгаются на территорию Яньцай из соседнего Кангюя, заселенного позднеасакскими и другими родственными им ираноязычными племенами. Все это подтверждается единовременностью переименования Яньцай и его попадания в зависимость от Кангюя. Это событие совпадает с ростом могущества Кангюя в I в. н.э., который превращается в могучее государство, объединившее многие кочевые племена и контролировавшее земледельческие центры. Аланы, как полагает А.А. Цуциев, могли первоначально выделиться как мобильное воинственное племя, ставшее господствующим над другими племенами. Они являлись «своеобразным нобилитетом аристократической верхушкой других родственников им племен». В процессе завоевания ими Яньцай, вероятно, происходит устранение старой массагетской знати, место которой занимает аланская аристократия (Цуциев А.А., 1999, с. 17).

Такая реконструкция, по мнению А.А. Цуциева подтверждается и археологическими данными. Так джатыасарская культура, связываемая с территорией Яньцай, обнаруживает тесные связи с археологическими культурами Средней Сырдарьи — отарско-каратауской и куанчинской, считающимися кангюйскими. Причем наибольшее влияние испытывала джатыасарская культура со стороны двух упомянутых сырдарьинских культур что как раз и отражает направленность миграций или военных вторжений из Кангюя в Яньцай (Цуциев А.А., 1999, с. 18).

Продвижение аланов из Средней Азии на запад в начале 50-х годов, как считает А.А. Цуциев, было вызвано внутренним напряжением в среднеазиатском регионе, связанным с усилением княжества Согюй (Соцзюй), которое по данным «Хоу хань шу» уже к 29 г. н.э. подчинило 55 государств Западного края (Цуциев А.А., 1999, с. 18).

В Европе, по Цуциеву, аланы появляются во 2-й половине — конце I в. н.э., хотя он не исключает проникновения отдельных групп аланов сюда и в более раннее время. Археологическими памятниками, принадлежащими аланам, могли быть курганы «Золотого кладбища» на Кубани и группа богатых курганов в низовьях Дона, время возникновения которых совпадает с временем появления аланов в этих местах. А.А. Цуциев, ссылаясь на имеющиеся в литературе мнения насчет этнической принадлежности этих памятников, более уверенно говорит о принадлежности аланам нижнедонских курганов, нежели курганов «Золотого кладбища». Но при допущении принадлежности того и другого памятника с различными типами погребений аланам, следует считать, что на Нижнем Дону этнической основой новой группировки, возглавляемой аланами, были аорсы, а на Кубани — сираки и меоты (Цуциев А.А., 1999, с. 20).

(2. Центрально-азиатская гипотеза) - Обзор

Рассмотренные версии С.А. Яценко, Т.А. Габуева и А.А. Цуциева относительно происхождения аланов имеют в ряде случаев как сходные моменты, так и отличия. Общим для них является неприятие сарматской концепции формирования аланов. Из названных авторов только Т.А. Габуев специально уделил внимание критике господствовавшего ранее мнения о связи аланов в процессе их генезиса в основном с сарматами. Эту критику я считаю продуктивной, новые разработки по рассматриваемой проблеме значительно усиливают позиции альтернативной точки зрения, связывающей аланов с восточным скифским миром.

Т.А. Габуевым наиболее полно, по состоянию источников на сей день, изложена и версия о роли центрально-азиатских и среднеазиатских кочевников в формировании аланов. Хотя его построения во многом и гипотетичны, что прекрасно осознает сам автор, но все же они в определенной мере опираются на письменные источники, которые, правда, не всегда могут однозначно толковаться, но это характерно для большинства сочинений древних авторов скифо-сарматского времени. Думаю, что это направление имеет перспективу его дальнейшей разработки.

Более схематично версия о происхождении аланов излагается С.А. Яценко и А.А. Цуциевым. Правда, о версии последнего я могу судить только по автореферату его кандидатской диссертации. Если Т.А. Габуев и С.А. Яценко считают, что древнейшие истоки аланов следует искать в центрально-азиатских районах, где источниками первоначально фиксируются юэчжи и усунь, то А.А. Цуциев этой теме не касается. Начало аланской истории им связывается с Кангюем. Нет у него и более или менее ясного ответа на вопрос, какой или какие этнические компоненты являлись первоначальной основой формирования аланов.

Однако проблема происхождения аланов не ограничивается только появлением их в I в. н.э. Ряд исследователей выделяет еще и более позднюю — вторую волну аланов, которая напрямую не связана с ранними аланами. Так, как уже говорилось, В.А. Кузнецов, отмечая изменение археологической ситуации на Северном Кавказе во II — I-й половине III вв., в частности, прекращение существования грунтовых могильников и распространение курганов с катакомбами, считал, что это может быть объяснено мощным передвижением новой группы сармато-аланов с севера, которые подчиняют здесь предыдущее сармато-аланское население, что в дальнейшем приводит к их слиянию. В.А. Кузнецов отмечал синхронность процессов, происходивших в это время на Северном Кавказе и Нижнем Дону, ссылаясь на исследования Д.Б. Шелова (Кузнецов В.А., 1992, с. 39). Действительно, в некрополе Танаиса со 2-й половины II в. н.э. фиксируется ряд новых черт, которые характеризуют позднесарматскую культуру, а в танаисской ономастике отмечено появление новых иранских имен. Все это позволило в свое время Д.Б. Шелову говорить о проникновении на Нижний Дон новой группы кочевников, вероятно, из Поволжья (Шелов Д.Б., 1972, с. 238, 239, 249).

Т.А. Габуев также отмечал широкое распространение в Центральном Предкавказье с середины III в. катакомбных погребений под курганами. Он связывал это явление с массовой миграцией сюда аланского населения, которое было новым «не только для Кавказа, но и для Европейской Сарматии». Если учесть мнение Т.А. Габуева о предпочтительной принадлежности ранним аланам нижнедонских богатых курганов, то из этого следует, что более поздняя миграция аланов не связана с предыдущей (Габуев Т.А., 1999, с.63). Т.А. Габуев не объясняет, в чем заключается разница между аланами,

появившимся в I в. н.э., и аланами, начавшими заселять Центральное Предкавказье с середины III в. н.э.

С формированием и распространением позднесарматской культуры связывал продвижение новой группировки кочевников А.А. Цуциев, которые из районов Бухары и Ферганы через Хорезм и низовья Амударьи продвинулись в Приуралье и Нижнее Поволжье. На основе пришлого из Средней Азии и прикаспийского сарматского населения, по его мнению, и складывается собственно позднесарматская культура. В формировании же аланского населения Северного Кавказа со II в. н.э. принимают участие поздние сарматы Нижнего Поволжья, местные ранние аланы и среднеазиатские массагеты, принявшие участие в миграциях II в. н.э. (Цуциев А.А., 1999, с.21). Из предложенной А.А. Цуциевым реконструкции не совсем ясно, имело ли алано-массагетское население Яньцай какое-либо отношение к сложению позднесарматской культуры Северного Прикаспия или же оно сразу продвинулось на Кавказ, а позднесарматская культура формировалась с участием других выходцев из Средней Азии. Если это так, тогда с каким этносом следует связывать этих среднеазиатских кочевников, положившим начало формированию позднесарматской культуры в Поволжье и Приуралье? Ответа на этот вопрос А.А. Цуциев не дает.

С.А. Яценко в свое время предложил различать «аланов-скифов» и «аланов-массагетов». Аланы, отождествляемые в источниках со скифами, появляются в I в. н.э. — это первая ранняя волна аланского продвижения на запад. Аланы-массагеты появляются в 1-й половине II в. н.э., они являлись создателями позднесарматской культуры II-IV вв. Места, откуда пришли аланы-массагеты, им называются следующие: окраины Бактрии и Туркестан; именно к ним, а не ко всем аланам имеет отношение определение их как «бывших массагетов» (они же «маскуты» армянских источников). Армянские, грузинские и римские источники, по мнению С.А. Яценко, позволяют поместить этих «бывших массагетов» к северу от кавказского хребта, на западе с конца III в. они граничили с предкавказской Аланией. На карте, приведенной в публикации С.А. Яценко, это небольшая территория к югу от Терека, совпадающая с Приморским Дагестаном. На международной арене аланы-массагеты заявляют о себе уже в событиях 132-135 гг. В получившем особую известность аланском походе в Закавказье в 135 г., по мнению С.А. Яценко, участвовали не те аланы, которые совершали, например, аналогичный поход в 72 г., а совершенно новый этнос, именуемый Дионом Кассием уже не скифами, а массагетами.

Эпизоды из политической истории аланов-массагетов (маскутов), кроме того, называемых еще и «хазарами» в армянских и грузинских источниках, С.А.Яценко реконструирует вплоть до гуннского вторжения в Европу. Таким образом, по С.А.Яценко в первые века н.э. существовало несколько группировок аланов: нижнедонские, первыми появившиеся в Европе, к которым должно относиться определение их как скифов; аланы-массагеты и центрально-кавказские аланы, не позже середины III в. образовавшие предкавказскую Аланию (Яценко С.А., 1998, с.89).

Надо отдать должное той детализации, с которой С.А.Яценко разрабатывает различные вопросы аланской проблематики. Однако, его суждения и выводы не всегда согласуются с заключениями других исследователей, это касается и рассматриваемой здесь его концепции об аланах-массагетах. Обычно принято считать массагетскую версию происхождения аланов общей для всех них, а последующую их историю взаимосвязанной. Например, серия известных закавказских походов аланов в 72, 135 гг., а, возможно, и в 35 г., как считают некоторые исследователи, отождествлялась

обычно с одним и тем же аланским объединением. С.А.Яценко, как отмечалось выше, считает, что в событиях 135г. участвовала новая кочевническая группировка — аланы-массагеты, не имеющие прямого отношения к ранним аланам-скифам. Освещая это событие, он пишет, что «в Каппадокии закованные в сталь «массагетские» катафрактарии были разбиты Аррианом...». Интересно, что то же самое событие, нашедшее отражение в сочинении наместника Каппадокии Арриана, С.М. Перевалов использует как доказательство тождества кочевников, предполагаемых аланов, вторгшихся в Закавказье в 35 г., и аланов, с которыми через сто лет столкнулся Арриан, полагая, что теми и другими была использована одна и та же тактика боя.

Есть и более существенные расхождения С.А. Яценко с некоторыми авторами, например, в локализации аланов-массагетов и других племен Северо-Восточного Прикаспия. Так, Л.Б. Гмыря на той же территории и в то же время помещает «уннов» (гуннов), впервые упомянутых Дионисием Периегетом в середине II в. н.э., предполагая, что гуннские племена могли кочевать «в степных районах Западного Прикаспия вплоть до Дербентского прохода» (Гмыря Л.Б., 1995, с. 46-53). Причем, как она считает, в ряде случаев в закавказских источниках в различных событиях гунны могли фигурировать под именем «хазар». В данном случае происходит наложение территорий обитания двух народов, а, возможно, и связанных с ними событий. Поскольку статья С.А. Яценко вышла позже, ему надо было бы дать оценку аргументов, изложенных в книге Л.Б. Гмыри, но ее не оказалось.

Не вполне ясна, по С.А. Яценко, и роль аланов массагетов в формировании позднесарматской культуры. Как известно, наиболее представительные памятники этой культуры расположены в Подонье, Поволжье и Южном Приуралье. Как могли влиять на этот процесс на столь огромной территории аланы-массагеты, обосновавшиеся на территории современного Дагестана?

Не отступая дальше от темы, хотелось бы констатировать, что в догуннское время действительно существовало несколько группировок аланов — к вышеперечисленным Т.А. Габуев добавляет аланов-олондов, упомянутых по соседству с аланами-маскутами, родство между которыми на сей день не может быть достаточно четко определено (Габуев Т.А., 1999, с. 53). С.А. Яценко в одной из недавно опубликованных работ пришел к выводу, что на середину III в. н.э. приходится новое вторжение кочевников востока, приведшее к существенной перекройке этнеполитической карты от Урала до Дуная, в том числе и к перераспределению сфер влияния аланских группировок. После этих событий, как он полагает, на территории кочевой Сарматии существовало пять независимых аланских объединений (Яценко А.С., 1997, с. 154-160).

Что же касается разделения аланов на скифов и массагетов, то из прочтения источников такого впечатления не создается. Аммиан Марцеллин, который дал наиболее полное описание аланов, скорее всего, в целом относил к ним свое определение как «бывших массагетов». Иногда в одних и тех же событиях аланы именуются и массагетами, и скифами. Так, Дион Кассий называет аланов по происхождению массагетами в связи с их походом в 135 г., а Флавий Арриан, имея в виду те же события в «Диспозиции против алан», называет их скифами.

Мне кажется, что в этом вопросе наиболее прав Т.А. Габуев, считающий, что версии об аланах-скифах и аланах-массагетах не столько противоречат, сколько дополняют друг друга, так как определение их как части скифов относит их в целом к кочевому ираноязычному миру, а «указание на их массагетское происхождение в значительной

мере сужает этот круг народов», так как массагетов древние авторы также относили к скифским народам (Габуев Т.А., 1999, с.77).

(3. Другие) - **Н. Берлизов, М. Щукин**

Последнее десятилетие проблемой происхождения северокавказских аланов активно занимался **Н.Е. Берлизов**, опираясь преимущественно на археологические источники. Основным объектом его исследований были погребальные памятники катакомбного типа, традиционно считающиеся аланскими. Выводы исторического плана, сделанные им, сводятся к следующему: в формировании аланского союза существенную роль сыграли миграции на Центральный и Северо-Восточный Кавказ скифов. В автореферате его кандидатской диссертации делается предположение, что одним из предков аланов могли быть те скифы, которые вынуждены были прийти на Северный Кавказ после крушения державы Атея. Возможно, они оказали помощь боспорскому царю Сатиру в борьбе за престол в 310 г. до н.э. (Берлизов Н.Е., 1990, с.13). В тексте же его диссертации упор делается на крымских скифов, якобы появившихся на Кавказе в III-II вв. до н.э. (Берлизов Н.Е., 1990а, с. 173). В более поздней работе он еще более омолаживает это событие, считая, что группа кочевников, родственная скифам Крыма, осела в Центральном Предкавказье во II в. до н.э., объединившись с какой-то частью местного населения и сарматов. Во II-I вв. до н.э. они контролировали предгорья Центрального Кавказа. Н.Е. Берлизов делает вывод о значительной роли поздних скифов в этногенезе аланов в противоположность «скромной, чем предполагалось ранее, роли сарматов в этом процессе» (Берлизов Н.Е., 1996, с.113, 114).

Странно, что появление крымских скифов в Предкавказье Н.Е. Берлизов объясняет оттоком кочевников из районов Средней Азии на запад в Восточную Европу, так как именно эти кочевники оказали существенное давление не только на районы Причерноморья, но и на Северный Кавказ (Керефов Б.М., 1988, с.121-131). Такая реанимация северопричерноморских скифов на кавказской почве, исходя из контекста общей исторической ситуации того времени, вряд ли оправдана.

В одной из своих новых работ Н.Е. Берлизов попытался подтвердить ведущую роль скифов в этногенезе аланов, введя в исходную матрицу признаков и такой показатель как «антропологический тип», полагая, что он безусловно связан с этнической спецификой погребенного (Берлизов Н.Е., 1998, с.34). Оценка такого приема как не корректного была дана в отзывах на эту статью известных антропологов М.М. Герасимовой и Л.Т. Яблонского (Герасимова М.М., 1998, с. 46-48; Яблонский Л.Т., 1998, с.48, 49).

Другим, более поздним хронологическим пластом, имеющим отношение к аланам Северного Кавказа, по мнению Н.Е. Берлизова и В.Н. Каминского, изложенному в их совместной статье, были носители катакомбного обряда погребения из Средней Азии, появившиеся в Предкавказье в начале II в. н.э. Это бывшие массагеты, принявшие участие в закавказском походе 135 или 136 г. Причем они своим происхождением, возможно, связаны с кочевниками, якобы пришедшими с северо-запада в Среднюю Азию. Контекст статьи не исключает, что исходной территорией, откуда они пришли, может быть все та же бывшая Причерноморская Скифия, поскольку авторы обнаруживают удивительное сходства катакомб Тираспольщины с сырдарьинскими и ферганскими (Берлизов Н.Е., Каминский В.Н., 1993, с.108).

Не вдаваясь в подробный разбор этой экстравагантной гипотезы, как ее назвали сами авторы, сошлюсь на ту реакцию, которую вызвала эта статья у специалистов. Ю.А. Заднепровский весьма негативно оценил как сам анализ археологических источников, так и выводы авторов этой статьи, а попытку связать катакомбы Ферганы и Сырдарьи с катакомбами Тираспольщины назвал фантазией (Заднепровский Ю.А., 1994, с. 114-117). Я склонен согласиться с С.А. Яценко, который в отношении вышеназванной статьи, отдав должное содержащемуся в ней типологическому и хронологическому анализу, отметил бездоказательность широких исторических выводов (Яценко С.А., 1994, с. 119, 120).

В завершение следует рассмотреть еще одну версию, имеющую прямое отношение к проблеме происхождения аланов, согласно которой последние считаются надплеменной организацией. Есть, например, мнение, что восприятие названия аланы как этнонима ошибочно, под этим наименованием следует понимать межплеменную орду, представляющую собой военную организацию, подчиняющуюся строгой дисциплине и нормам родового общества. Появляется такая организация у кочевников в результате углубления специализации скотоводческого хозяйства, в ее обязанности входит обеспечение безопасности и расширение экономической базы. Кроме того, такая орда может существовать только за счет эксплуатации в какой-либо форме земледельческих обществ (Наглер А.О., Чипирова Л.А., 1985, с. 87-91).

Об аланах как социальной надплеменной прослойке говорил и **М.Б. Щукин**. Свой взгляд на эту проблему он сформулировал следующим образом: ранние аланы, вероятно, еще не были особым народом или племенем в полном смысле этих понятий. Они могли представлять собой дружину аристократов, воинов-профессионалов. Это мог быть «своего рода «рыцарский орден», имеющий родственные связи с аристократическими родами самых разных более стабильных кочевнических объединений от Гиндукуша до Дуная» (Щукин М.Б., 1992, с. 119). Мобильность такой организации объясняет, по мнению М.Б. Щукина, неожиданные появления аланов в разных, зачастую достаточно удаленных друг от друга местах. Интернациональный характер организации аланов, делает безуспешными попытки выделить их по какой-либо совокупности археологических признаков. Он отмечал, что не исключена аланская принадлежность ряда археологических памятников, но доказать это практически невозможно, так как «ранние аланы столь же археологически неуловимы, как тюркюты в составе Тюркского каганата или сами хазары в составе Хазарского». Авторитет аланов способствовал установлению их власти над различными сарматскими группировками, что приводит к вытеснению самого названия «сарматы» и замены его названием «аланы» (Щукин М.Б., 1992, с. 120, 121).

Эта же версия была развита в одной из работ А.А. Туаллагова. По его мнению, название «аланы» закрепилось за правящей верхушкой или кланом «азиатских скифов», представители которых были потомственными воинами и власть которых была сакрализована в соответствии с традициями иранского кочевого мира (Туаллагов А.А., 1997, с. 147-152).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происхождение аланов — сложная научная проблема и, как мне представляется, она не имеет однозначного решения. На разных этапах своей истории и в различных местах обитания аланы уже в определенной мере различались между собой. Еще В.Ф. Миллер писал, что нельзя говорить с полной уверенностью об этническом тождестве

кавказских аланов и аланов, обосновавшихся в Западной Европе (Миллер В., 1887, с. 47).

Вполне справедливо М.П. Абрамова отмечала разницу между аланами-кочевниками античных авторов и раннесредневековыми аланами Северного Кавказа, известными по армянским, византийским и другим источникам, поскольку, кроме археологических, данные лингвистики и антропологии свидетельствуют о существенной роли кавказского субстрата и других этнических компонентов в формировании последних (Абрамова М.П., 1993, с. 201).

Сказанное имеет отношение не только к северокавказским аланам. Аланы, в I в. н.э. обосновавшиеся у Меотиды и Нижнего Дона, надо полагать, уже существенно отличались от своих среднеазиатских предков.

Исторические источники дают нам массу примеров постоянного изменения этнического состава различных кочевых группировок скифо-сарматского времени. Сошлюсь на примеры, приводимые Т.А. Габуев в отношении юэчжей, усуней и саков, этнический состав которых претерпел существенные изменения в относительно короткий период. Так, после поражения юэчжей от хунну часть их (малые юэчжи) осталась на прежней территории, остальные ушли на запад, где в Семиречье подчинили саков (сэ), после чего сами потерпели поражение от усуней. После этих событий, по данным Бань Гу, какая-то часть юэчжей и саков вошла в состав усуней, часть же саков, а возможно, и усуней вместе с юэчжами двинулась далее на запад и разгромила Греко-Бактрию, после чего, как известно, эта группировка кочевников распалась на пять враждующих между собой княжеств. Таким образом, как юэчжи, так и усуней, жившие у границ Китая с одной стороны и с другой — осевшие в Семиречье и Бактрии, по своему этническому составу уже значительно различались между собой. Т.А. Габуев правильно пишет, что для этнической истории данной эпохи большую роль играли процесс децентрализации и консолидации, которые существенно перекраивали состав тех или иных кочевых объединений (Габуев Т.А., 1999, с. 83, 84).

Да в общем и известная фраза Аммиана Марцеллина о том, что аланы с течением времени подчинили многие народы и распространили на них свое имя, характеризует те же процессы. Название племени лидера сохранялось, а состав кочевнической группировки, скрывающейся за этим именем, как правило, менялся.

Для более глубокого понимания проблемы происхождения аланов большое значение имеет рассмотрение некоторых общих моментов в истории сарматского мира последних веков до н.э. — первых веков н.э. За период со II в. до н.э. по II в. н.э. произошло, по крайней мере, три существенные коррекции этнического состава кочевников восточноевропейских степей.

Первая — время, вероятно, близкое к середине II до н.э., ознаменовавшееся появлением целого ряда новых объединений кочевников, впервые наиболее полно описанных Страбоном и нашедших отражение в некоторых эпиграфических памятниках. Территорию между Днестром и Доном занимали роксоланы, в Крыму появляются сатархи. Скорее всего, к этому времени относится утверждение на Дону и в Северном Прикаспии аорсов и, вероятно, сираков на Кубани.

Вторая — появление аланов, начало этого события, видимо, приходится на 1-ю половину I в. н.э., а к середине его происходит их закрепление на Дону и в Приазовье, что приводит к подвижке обитавших здесь ранее кочевников на запад.

Третья коррекция приходится на II в., она фиксируется не столько письменными, сколько археологическими источниками, и выражается в появлении памятников позднесарматской культуры, позволяющих говорить об определенных изменениях этнического состава населения по сравнению с предыдущим временем.

Свое археологическое лицо имеет не только последний период, но и два предыдущих. Так, например, сарматские археологические памятники II-I вв. до н.э. на территории Украины отличает нетипичная для раннесарматской культуры северная ориентировка погребенных, являющаяся ведущей здесь. Надо отметить, что и на Нижнем Дону, и далее на восток, вплоть до Заволжья, погребения, которые определенно датируются II-I вв. до н.э., также дают достаточно большой процент северной ориентировки (Симоненко А.В, 1993, с. 23; Скрипкин А.С, 2000, с.143). Кроме того, памятники этого времени уже по многим параметрам погребального обряда и материальной культуры отличаются от сарматских памятников IV-III вв. до н.э. В них отмечены частые находки вещей, связанных с культурными традициями восточных регионов степного пояса, вплоть до Китая (Скрипкин А.С., 2000, с. 141, 142).

Ранний период истории аланов в Восточной Европе в принципе совпадает со среднесарматской культурой, в материальной культуре которой также просматриваются далекие восточные связи, о которых уже не однажды говорилось в специальной литературе.

Все эти три периода связаны некой общей тенденцией, о чем мне в последнее время уже приходилось писать. Суть этой тенденции состоит в том, что по крайней мере со II в. до н.э. начинается постепенное смещение восточного скифского мира на запад, вылившееся в ряд циклов, достаточно очевидно фиксируемых в степях Восточной Европы. О том, что следует понимать под восточным скифским миром, уже отчасти говорилось. Обстоятельную характеристику Восточной или Азиатской Скифии на основании сочинений античных авторов дал Т.А. Габуев (Габуев Т.А., 1999, с. 67, 68). Восточные скифы упоминаются у Страбона; они разделяются на многие народы и занимают территорию от Каспийского моря до «Восточного моря и Индии» (Страбон, XI, VI, 2). По Птолемею Скифия, находящаяся в Азии, располагалась от Азиатской Сарматии, собственно от Заволжья и Каспийского моря, до Китая и Индии (Птолемей, VI, 15, 1).

Во II в. до н.э., время, близкое к годам падения Греко-Баэтрии, в степных районах Сарматии в погребениях кочевников появляется большое количество вещевого материала, находящего параллели в памятниках соответствующего времени Средней Азии, Алтая, Енисея и Китая. Это клинковое оружие, поясные пряжки, конская упряжь и другие вещи (Скрипкин А.С., 1993, с. 3-10; 2000а, с.137-146). Не ранее II в. до н.э. в этнической номенклатуре степной Восточной Европы появляются новые этнонимы: роксоланы, сатархи, аорсы, сираки. Известно, например, что роксоланы (ревксиналы) упоминаются в херсонесском декрете в честь Диофанта (110/109 гг. до н.э.). Аналогичная хронологическая привязка имеется и в «Географии» Страбона (Страбон, VII, III, 17). Примерно в то же время в степном Крыму появляются сатархи (Ольховский В.С., 1981, с. 56), которые были известны в Средней Азии; некоторыми исследователями предполагалось их родство с тохарами Страбона, принимавшими

участие в разгроме Греко-Бактрии (Десятчиков Ю.М., 1973, с. 142). Вероятно, к этому же времени относится сообщение Плиния о переходе Танаиса рядом племен, среди которых упомянуты сатархи, тагоры, сатархеи-спалеи (Плиний, NH, VI, 22).

Следует отметить и еще одну деталь — преобладание северной ориентировки погребенных в сарматских погребениях Северного Причерноморья, след которой просматривается до Заволжья. Это явление весьма неожиданно на фоне типичной южной ориентировки для погребенных раннесарматской культуры. Северная же ориентировка в это и предыдущее время была характерна для кочевнических погребений восточных ареалов евразийских степей. Она является ведущей у хунну (Могильников В.А., 1992, с. 260), юэчжийские погребения провинции Ганьсу также дают преобладание северной ориентировки (Заднепровский Ю.А., 1997, с. 76). Эта же ориентировка получает распространение в среднеазиатском регионе в курганах кочевников после падения Греко-Бактрии (Мандельштам А.М., 1966).

Все эти явления, отмеченные в материальной культуре, погребальном обряде и письменных источниках, несомненно связаны между собой и могут свидетельствовать о появлении в Восточной Европе отдельных группировок кочевников с востока и образовании здесь новых этнополитических объединений на основе пришлого и местного населения.

В связи с вышесказанным хотелось бы высказать некоторые соображения относительно интерпретации Зубовско-Воздвиженской группы курганов. В настоящее время можно утверждать, что их индивидуальность, в свое время отмеченная Б.А. Раевым и С.А. Яценко и выражавшаяся в наличии целой серии инноваций восточного происхождения, не есть уникальное явление, характерное только для этого памятника. Зубовско-Воздвиженские погребальные комплексы со всеми своим инновационными характеристиками вписываются в общий контекст сарматских памятников Восточной Европы II-I вв. до н.э., для многих из которых также отмечается влияние восточных традиций и в материальной культуре, и погребальном обряде (Скрипкин А.С., 2000а). Отождествление же курганов ЗВГ с аланами Анавсия, со ссылкой на поэтическое сочинение Валерия Флакка, весьма проблематично; это становится очевидным, когда знакомишься со всей этнической номенклатурой «Аргонавтики» (Габуев Т.А., 1999, с. 10). Ясно, что этот памятник связан с теми общими процессами, о которых говорилось выше, и, возможно, он имеет отношение к какой-то группировке кочевников восточно-скифского происхождения, но были ли это аланы — сказать трудно.

Аланы все же появляются в Восточной Европе, видимо, в 1-й половине I в. н.э. Они могли быть в какой-то степени родственными тем кочевникам, которые утвердились здесь ранее, поскольку исходные их территории, откуда те и другие двинулись на запад, могли в целом или частично совпадать. Ранее они могли входить в одни и те же объединения. Но объявившиеся в Европе аланы — это не одно и то же, что роксоланы или аорсы. По своему этническому составу эти группировки кочевников должны были различаться, да и политически они были обособлены. Состав аланов бесспорно изменился за время более чем столетнего их пребывания в Средней Азии, после того как передовые группировки восточных скифов продвинулись на запад, достигнув Причерноморья, пополнившись в свою очередь новыми этническими компонентами.

Версия причастности аорсов и сарматов к формированию аланов в этом случае получает другую трактовку. Какая-то часть аорсов, и, видимо, других сарматских

племен, скорее всего, вошла в состав нового политического объединения, возглавляемого аланами, центром которого, видимо, первоначально был Нижний Дон.

Независимо от того, были ли аланы сначала надплеменной, клановой организацией или племенем-гегемоном, объединившим под своей властью различные кочевнические племена, они должны были отличаться от других кочевнических объединений, от тех же роксоланов, аорсов, языгов уже потому, что последние могли быть организованы по тому же принципу. Различия эти заключались в их политической самостоятельности, контролируемых территориях и, видимо, в отдельных компонентах этнического состава. Бесспорно, что эти объединения не оставались длительное время статичными, их перегруппировки могли происходить в результате военных конфликтов или новых передвижений кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.

Абрамова М.П., 1972 а. Катакомбные и склеповые сооружения Северного Кавказа сарматского времени // СА. № 2.

Абрамова М.П., 1982. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (середина I тысячелетия до н.э. — первые века н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Часть вторая. М.

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.

Берлизов Н.Е., 1990. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. — II в. н.э.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

Берлизов Н.Е., 1990а. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. — II в. н.э.) // Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. (рукопись). Л.

Берлизов Н.Е., 1996. Аланы-скифы // ИАА. Вып.2. Армавир — М.

Берлизов Н.Е., 1998. О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). 4.2. Краснодар.

Берлизов Н.И., Каминский В.Н., 1993. Аланы, Кан-пой и Давань // ПАВ. Вып.7. СПб.

Боровкова Л.А., 1989. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.

Вайнберг Б.И., 1999. Этногеография Турана в древности. М.

Виноградов В.Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.

Виноградов В.Б., 1966. Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам) // СА. № 4.

Виноградов В.Б., 1974. Еще раз о язаматах // ВДИ. № 1,

Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. — IV в. н.э. // Античность и варварский мир (Сборник научных трудов), Орджоникидзе.

Виноградов Ю. Г., 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. № 2.

Виноградов Ю.Г., 1997. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3.

Габуев Т.А., 1999. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ.

Гаглойти Ю.С., 1964. Аланы и вопросы этногенеза осетин // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси.

Гаглойти АЗ. С, 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.

Гаглойти Ю.С., 1992 К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе // Аланы и Кавказ. ALANIKA II. Владикавказ — Цхинвал.

Гаглойти Ю.С., 1995. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе // Аланы: история и культура. ALANIKA III. Владикавказ — Дзауджыхъаеу.

Герасимова М.М., 1998. Некоторые замечания к статье Н.Е. Берлизова «О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода» // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Ч.2. Краснодар.

Граков Б.Н., 1964. Рец. на: В.Б.Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. VI. Грозный, 1963 // СА. № 4.

Десятчиков Ю.М., 1973. Сатархи//ВДИ. № 1.

Заднепровский Ю.А., 1994. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии // ПАВ. Вып. 8. СПб.

Заднепровский Ю.А., 1997. Древние номады Центральной Азии (сборник статей). СПб.

Зуев Ю., 1995. Сармато-аланы Приаралья (Янь-цай/Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI). Проблемы этногенеза и трансформации. Мат-лы международной конференции, Алматы, 5-7 июня 1995 г. Алматы.

Каменецкий И.О., 1971. О язаматах // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М.

Керефов Б.М., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Керефов Б.М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Кузнецов В.А., 1964. Рец. на: В.Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. VI. Грозный, 1963 // СА. № 4.

Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов.

Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.

Мачинский Д.А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л.

Мачинский Д.А., 1974. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. — I в. н.э. // АСГЭ. Вып. 16. Л.

Миллер В., 1887. Осетинские этюды // УЗ ИМУ. Отдел историко-филологический. Вып. 8. М.

Могильников В.А., 1992. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Наглер А.О., Чипирова Л.А., 1985. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир (Сборник научных трудов). Орджоникидзе.

Ольховский В.С., 1981. Население Крыма по данным античных авторов // СА. № 3.

Перевалов С.М., 1998. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. Вып. 4. Армавир — М.

Перевалов С.М., 2000. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов // ВДИ. № 1.

Раев Б.А., 1979. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I-III веков н.э. на Нижнем Дону // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л.

Раев Б.А., 1989. Аланы в евразийских степях: Восток — Запад // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14-17 марта 1989 года). Новочеркасск.

Раев Б.А., Яценко С.А., 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти М.И. Ростовцева). Новочеркасск.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.

Ростовцев М.И., 1993. Сарматы // SKYBKA. Избранные работы академика М.И. Ростовцева (ПАВ. № 5). СПб.

Сергацков И.В., 1999. Проблема формирования среднесарматской культуры // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград.

Симоненко А.В., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.

Симоненко О.В., 1999. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етнополітична історія // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Київ.

Скржинская М.В., 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Скрипкин А.С., 1993. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах алтайского и доно-волжского регионов в последних веках до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск.

Скрипкин А.С., 1994. К определению содержания понятия «сарматская эпоха» // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции, 13-16 сентября 1994 года, Волгоград. Волгоград.

Скрипкин А.С., 1995. О географическом положении Азиатской Сарматии и ее населении // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V, кн. 2. Челябинск.

Скрипкин А.С., 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. № 1.

Скрипкин А.С., 1997. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград.

Скрипкин А.С., 1997 а. Анализ сарматских погребальных памятников III-I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.). М.

Скрипкин А.С., 1999. Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.

Скрипкин А.С., 2000. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II-I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.

Скрипкин А.С., 2000а. Новые аспекты изучения истории материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3. Волгоград (в печати).

Смирнов К.Ф., 1950. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. XXXIV. М.

Смирнов К.Ф., 1952. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. Вып. XLVI. М.

Туаллагов А.А., 1997. К вопросу о происхождении ранних алан // STRATUM + ПАВ. СПб— Кишинев.

Храпунов И.Н., 1995. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы, Сарматы. Симферополь.

Цуциев А.А., 1995. Известия китайских письменных источников по ранней истории аланов // Аланы: история и культура. ALANIKA III. Владикавказ -Дзаеуджыхъаеу.

Цуциев А.А., 1999. Аланы Средней Азии (I-VI вв, н.э.): проблемы этногенеза // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ.

Шелов Д.Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.

Щукин М.Б., 1992. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблема ранних аланов // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара) Ч. 1. Новочеркасск.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историкоархеологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.

Яблонский Л. Т., 1998. Отзыв на статью Н.Е. Берлизова «О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода» // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Ч. 2, Краснодар.

Яценко С.А., 1993. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н.э. // ПАВ. № 3. СПб.

Яценко С.А., 1993а. Специфические соответствия алано-осетинском и алтае-саянском язычестве: к вопросу о миграции аланов // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. М.

Яценко С.А., 1994. Аланские катакомбы II-IV вв. н.э.: новые материалы и новые заблуждения // ПАВ, Вып. 3. СПб.

Яценко С.А., 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н.э. // STRATUM + ПАВ. СПб — Кишинев.

Яценко С.А., 1998. «Бывшие массагеты» на новой родине — в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.) // ИАА. Вып.4. Армавир — М.

Raev V.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR International Series, 278. Oxford.

Rau P., 1927. Huegelgraeber roemischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk.